

ПРЕДИСЛОВИЕ ПУБЛИКАТОРА

Дневник известного политика, общественного и государственного деятеля Андрея Ивановича Шингарёва (1869–1918) представляется важным источником не только для изучения его жизни и деятельности. Искренность и эмоциональная насыщенность документа настолько ярко характеризует не только самого его автора, но и подобный тип людей, являвшихся, бесспорно, лучшими представителями той самой «безнадёжно больной» русской интеллигенции начала XX века, что вопросы целесообразности новых и новых публикаций этого дневника отпадают сами собой. Очевидна и популярность как самого Шингарёва, так и посмертной публикации его дневника среди образованного общества, поскольку тираж, выпущенный в Москве в первой половине 1918 г. был явно немалым (особенно для того времени). Сохранились и глухие свидетельства о попытках отпечатать дополнительные экземпляры или второе издание книги.

Текст источника приводится по изданию 1918 г.

Предпринималась публикация «Дневника» в США (на английском и русском языках). Текст «Дневника» был частично опубликован в журнале «Дружба народов» (1993. № 8). Впоследствии частично опубликован в интернет-журналах «Русская жизнь» (2007, апр.) под довольно несуразным и фактически неверным названием «Гибель земского доктора» (без комментариев), а также на портале «Agitclub.ru».

При комментировании использованы материалы рунета, комментарии к изданию «Съезды и конференции конституционно-демократической партии» (М., 1997-2000. Т. 1-3), а также комментарии И. Мочалова, готовившего к публикации текст данного источника для журнала «Дружба народов» (1993. № 8).

КАК ЭТО БЫЛО

(Дневник А.И. Шингарёва)

г. Петроград, Петропавловская крепость, Трубецкой бастион, камера № 70

27 ноября [1917 г., по старому стилю]

Утром приехал вместе с Н.И. Астровым¹ из Москвы. И дома, в Воронеже², и в Москве все отсоветовали ехать в Петроград, так как большевики, наверное, меня арестуют. Мне самому казалось, что это должно случиться³, но я и в ЦК⁴ и всем остальным говорил: «Я должен ехать. Бывают моменты, когда личная безопасность политического деятеля должна отступить перед его общественным долгом. На 28-е [ноября 1917 г.] назначено открытие Учредительного собрания. Я и другие, избранные в члены собрания⁵, должны быть в назначенное время на месте». – Поехал и, хотя приходится писать теперь сидя в каземате неизвестно за что, всё же не раскаиваюсь. Пусть население знает, кто срывает Учредительное собрание, кто насилует свободу народа. Из нашего задержания должна получиться польза. Когда-нибудь да прояснится народное сознание.

Арест случился всё же при неожиданных обстоятельствах. Вечером у С.В.П.** было заседание ЦК, где мне за отсутствием всех других пришлось председательствовать⁶. Кроме моего краткого сообщения о поездке на выборы в Воронеж⁷, обсуждался порядок завтрашнего дня и возможность открытия Учредительного собрания⁸. Уже после того, как разошлись члены ЦК, из заседания городской Думы пришёл Оболенский⁹, сообщив о предполагаемой манифестации, приветствии Г[ородской] Думы¹⁰ и т.д.

ЦК решил, так как число съехавшихся членов так мало, что открытие собрания, как Учредительного, правомочного – недопустимо. Но недопустимо и подчинение указу Ленина¹¹. Решено предложить объявить совещание, избрать временного председателя, собираться каждый день, пока съедется достаточно народа и тогда, установив кворум, самостоятельно открыть Собрание. В манифестации участвовать хотели все. Обсуждали, кто, где и когда прочтёт в Учредительном собрании заявление Временного правительства, как оставшегося на свободе, так и сидящего в [Петропавловской] крепости¹².

Предполагал я, что в Таврический [дворец] войти не дадут и не удастся манифестация¹³, но уже никак не думал, что сам я не попаду в неё и ничего не увижу. Уходить домой¹⁴ было поздно, всё равно завтра надо было идти к Таврическому, да и

---

* Центральный Комитет партии Народной Свободы (конституционно-демократической партии).

казалось, что у Паниной¹⁵ безопаснее. На дом могут опять придти [для обыска или ареста]¹⁶.

Оказалось как раз наоборот. С дороги я устал, плохо спал уже несколько ночей, а потому с радостью воспользовался любезностью А.М. Петрункевич¹⁷ переночевать у С.В. [Паниной]. Заснул как убитый и в 7½ ч[асов утра] был разбужен голосом Н.А.^{***}, которая говорила: «Вставайте, пришли с обыском».

28 ноября

Так начался для меня день великого праздника Русской земли, день созыва Учредительного собрания.

Скоро красногвардеец и солдат вошли с ружьями в комнату, спросили мою фамилию, документы...

«А вы кто такие? И где ваши документы?» – в свою очередь потребовал я.

– Мы по ордеру Военно-революционного комитета¹⁸. С нами сам комиссар. Через некоторое время, уже арестовав Панину, явился и сам «комиссар» г. Гордон – бритый, с типично охраннической физиономией и с такой же непринуждённостью развязных и слащавых манер.

– Будьте добры подождать здесь. Я поеду получить инструкции относительно вас.

Он приехал часа через полтора¹⁹. Инструкции были коротки. Предписывалось у меня произвести обыск и поступить сообразно с его результатами. Так как никаких вещей у меня не было, то и обыска не производилось, а за отсутствием каких-либо других «результатов» г. Гордон объявил меня арестованным.

Пришлось подчиниться силе, и я отправился. Уже рассвело, в автомобиле на улице я нашёл Ф.Ф. Кокошкина и его жену²⁰, которые тоже остановились у С.В. Паниной и, так же как и я, были обысканы и задержаны без какого-либо повода.

По дороге в Смольный большевистский жандарм тоном заправского жандарма цинично и лицемерно выражал сожаление, что ему приходится прибегать к таким мерам. «Подумайте, я арестую своего учителя Фёдора Фёдоровича Кокошкина. Какую прекрасную книгу вы написали», – говорил он с ужимками и покачиванием головы. – «А всё потому, что не хотите вы признать власть народных комиссаров. Вот и г. Шингарёв не хочет с нами работать по финансам». – Гордон слащаво улыбался, кривлялся и был противен донельзя. Ф.Ф. [Кокошкин] и особенно Мария Филипповна [Кокошкина] принялись его стыдить, доказывали, что он, как и прежние охранники, служит насилию, что его собственные дети будут стыдиться поступков отца и пр. Ленинский охранник, с неизменно слащавой улыбкой возражал, что делает это ради блага страны. – «А может быть, дети и не поймут меня». – «Подумайте», – продолжал он

** Графиня С.В. Панина.

*** Н.А. Зурова.

кривляться, – «каких людей я арестовал». – Я молчал. Было противно говорить с таким, с позволения сказать, гражданином, видимо, находившим особое удовольствие смаковать свою гнусную роль.

В Смольном мы застали С.В. Панину. Я ей очень обрадовался; так как раньше думал, что уже не увижу её. Вскоре стали к ней приходить сотрудники «Народного Дома»²¹, принесли пироги, сыр, колбасу. Этими продуктами питались мы весь день. Наши тюремщики и не подумали нам ничего дать поесть.

Целый день заходили к нам много посетителей, выражая то сочувствие, то негодование новым «ленинским» жандармам. В 4 часа пришла Саша и Юрий²². Так как мы все были вместе, нам было весело, и в компании с проходящими образовывались даже шумные митинги. Мы довольно непринуждённо и громко беседовали, чем, по-видимому, шокировали «деловую» атмосферу большевистской канцелярии. Мы были приведены в комнату № 56, где помещалась канцелярия какой-то следственной комиссии²³, сюда вводили арестованных, приходили родственники просить пропуска к заключённым, являлись вызванные для показания свидетели. В одном углу какой-то «чиновник» подбирал взятые, очевидно, при обыске клочки разорванного письма, стараясь составить полный текст; у окна работал на машинке военный писарь, изготовляя ордера о новых арестах; у другого столика барышня писала какие-то бумаги²⁴.

Точно ради курьёза сюда же привели своеобразную пару арестованных: какую-то женщину-беженку и солдата с ведром и помазками. С ними были взяты «вещественные доказательства» преступления: целый пук воззваний Продовольственного Отдела [городской] Управы [Петрограда] о насилиях большевиков. Женщина горевала, что у неё остался дома один ребёнок, а солдат в смиренной и грустной позе стоял, прислонившись к стенке. Их держали до самого вечера, они устали, были голодны и если бы мы не дали им поесть, они не ели бы целый день.

Когда пришли некоторые с.-р. гласные²⁵ (из них помню одного Луцкого), я обратил их внимание на грустную пару «преступников», расклеивавших «прокламации»; наняты они были за 6 руб. в день – «хотели заработать, да вот красногвардейцы арестовали» – говорила женщина.

Луцкий возмутился, поймал одного из членов следственной комиссии, кудлатого матроса Алексеевского, и тот, с иронической улыбкой быстро разобрал «дело» и освободил арестованных. Женщина взяла ведёрко с клейстером, солдат смущённо перекрестился, и, поклонившись нам, они ушли.

У входных дверей часто сменялись часовые – красногвардейцы. Немало их входило в комнату, шушукались и с любопытством разглядывали нас. Прибежал Председатель [представитель ?] Комитета Общественной Безопасности²⁶ – Урушадзе. Само название учреждения, которое они представляют, звучит революционно, но по существу оно

бессильно что-либо сделать. Урушадзе добился лишь того, чтобы нас допросили в тот же день. Какой-то капитан Медведев явился, как служащий следственной комиссии. Оказалось, что он не большевик, а левый с.-р.; Кокошкин стал его стыдить.

– Раз служишь в этом учреждении, надо исполнять приказания власти, которую признаёшь, – ответил он смущённо. Тоже говорили в былое время и совестливые жандармы царизма.

Под вечер была приведена партия каких-то простых людей, взятая за пьянство, и вскоре же отпущена. Мы сидели, сидели целые часы. Посетителей к нам допускать перестали, и на этой почве произошла даже перебранка между офицером с Георгием [на груди] и членом Ц[ентрального] И[сполнительного] Комитета²⁷. Офицер, явившийся, видимо, уполномоченным наблюдать за порядком, просил оставить нас [в покое], член ЦИК резко закричал ему в ответ: «Я прошу вас убираться отсюда!» Видимо, этот инцидент повлиял на дальнейшее отношение к нашей относительной свободе.

Скоро С.В. Панину позвали к допросу. Допрашивал её присяжный поверенный Красиков²⁸, сам председатель следственной комиссии. Дело шло о 92-х тысячах, которые по Министерству народного просвещения Панина не передала народному комиссару [просвещения]. Её привлекают по суду за «сокрытие» казённых сумм. Она же желает передать деньги Учредительному собранию и законному правительству. Её привлекли к суду и арестовали по требованию Луначарского²⁹. Мы же, случайно оказавшиеся в её доме во время обыска, были взяты сначала просто, благодаря желанию г. Гордона отличиться. В доме Паниной после нашего ареста была устроена засада совсем как при старом строе жандармами. И таким образом ещё были арестованы князь П.Д. Долгоруков³⁰ и инженер Константинов³¹, который, как товарищ министра путей сообщения, зашёл к С.В. Паниной в 12 часов дня, чтобы идти в Таврический дворец на манифестацию.

После допроса Паниной позвали меня. Красиков спрашивал об отношениях к[онституционалистов]-д[емократов] к казачеству³² и пр. Я отвечал односложно и дал утвердительный ответ только на вопрос – член ли я ЦК кадетской партии. Обо всём остальном ограничивался указанием – «Не знаю». Когда он спросил, член ли я Комитета Спасения, я сказал – «Нет»³³. «И кроме того, я желал бы знать, кто вы такой, и почему вы допрашиваете меня?». Он что-то пробормотал в ответ и заявил, что иммунитет членов Учредительного собрания – вопрос спорный, да кроме того, ему официально и неизвестно, что мы члены Учредительного собрания³⁴.

После меня Кокошкин отказался отвечать и показал своё удостоверение³⁵. Но и документ несколько не смутил «председателя». Случайно захваченные во время обыска у Паниной мы послужили для новых деспотов лишь предлогом начать борьбу с Учредительным собранием³⁶.

Допрос Долгорукова и Константинова был очень короток, Константинова вскоре освободили и даже извинились (вероятно узнав, что он не кадет), а нас задержали и дело пошло в высшую инстанцию. Нами заинтересовались «сами» народные комиссары. Константинов решил ждать объявления нашей участи. По возвращении с допроса я уже не застал ни Паниной, которую уже отправили в Кресты³⁷, ни Кокошкиной – она была удалена, несмотря на её протесты и требования арестовать вместе с мужем. Комиссары обсуждали наше «дело» довольно долго. Кто-то нам передавал, что идут споры. Уже не знаю, как и по какому поводу спорили «властители» социалистической революции, но их решение может поспорить с Шемякиным судом. Без дальнейших проволочек, без следствия, допроса свидетелей и пр. мы, как члены партии к.-д. как и вся партия, были объявлены врагами народа, подлежащими суду революционного трибунала³⁸. «Декрет» об этом был прочтён нам около 12-и часов ночи³⁹. Мы ждали этого документа довольно долго. Уже к нам никого не подпускали, перед нами выстроили шеренгу красногвардейцев (все мальчики лет по 18), [которые] с ружьями охраняли нас, как самых опасных преступников.

Хорошее «счастье» шататься всю ночь по обыскам и охранять арестованных подарил Ленин своим последователям рабочим. Служить орудиями насилия и угнетения – какая почётная роль для представителей «революционной демократии». Впрочем, одни это делают действительно «по убеждению», а другие просто за 30 сребренников в день. В виду растущей безработицы этот вид заработка со стороны «государства» может оказаться хорошим средством помощи [безработным]. Интересно только, будут ли Ленинские охранники устраивать стачки, борясь за повышение заработной платы и 8-мичасовой рабочий день. Теперь им много приходится «работать» и днём и ночью. Говорят, вчера было подписано триста ордеров на обыски.

Около часа ночи нас передали караулу солдат латышского полка. Долго держали внизу, в коридоре на сквозняке и повезли в автомобилях в Петропавловку. Около половины второго [ночи] мы были в крепости и долго стояли на морозе, ожидая, когда и куда нас засадят. Долгоруков и Кокошкин принялись объяснять солдатам, какое преступление они делают, лишая свободы членов Учредительного собрания. Солдаты молчали, один из них сказал: «Да мы что, мы лишь исполнители приказаний». – «Так говорили и при царе», – сказал Кокошкин. – «Разве можно исполнять незаконные приказания». – «Вы – всё!» – сказал я солдатам. – «Потому что только вами они и держатся. Без вашей вооружённой силы они – никто».

Было холодно и темно. Мороз пощипывал ноги, говорили, что сразу ударило 12 градусов. Все озябли, пошли в караульное помещение погреться. «Какую бы вы речь сказали в Учредительном собрании?» – спросил меня шутливо Долгоруков. «Я сказал бы речь о том, как русская революция сама себя убивает», – ответил я.

Только около половины третьего часа ночи после курьёзного «приёма» новых арестантов комендантом крепости, усиленно показывавшим свои документы нашим конвоирам, чтобы подтвердить своё звание, мы были отведены в Трубецкой бастион и разведены по одиночным камерам. Железная дверь захлопнулась за мной, и я остался один, усталый от всего происшедшего, охваченный отвращением перед новыми гасителями недавней русской свободы.

Холодно, грустно. В сводчатой комнате гулко раздаются шаги. Надо спать свою первую ночь в тюрьме.

29 ноября

Около 9-ти часов утра ещё совсем темно. Окно вверху камеры снаружи загорожено от света ещё какой-то стеной и освещает совсем плохо.

Лязг ключа и отворяемой двери заставил меня подняться с койки. Принесли чайник с горячей водой. Надо вставать.

Хорошо, что добрая А.М. Петрункевич дала мне наспех перед арестом маленькую подушечку и одеяло. Иначе было бы очень холодно и неудобно спать. Камера холодная. Небольшой кусок печи во внутреннем углу плохо нагревает воздух. Стены и особенно пол, крашенный, асфальтовый, очень холодный. После вчерашнего переезда у меня насморк, и я охрип. Кое-какие припасы дали мне возможность выпить чаю. Казённый хлеб получил только к обеду. Трудно чем-нибудь заниматься – темно. Читать можно с трудом – скоро устают глаза. Писать также трудно. Жду, пока посветлеет, и от нечего делать хожу из угла в угол, изучая камеру. Она прямоугольная и очень похожа на большой сундук с круглой крышкой. Так делали в старину. Шесть шагов в ширину, одиннадцать в длину. Высота около пяти аршин⁴⁰ посреди цилиндрически-сводчатого потолка, постепенно опускающегося к боковым стенкам. Потолок побелён, стены с голубоватой побелкой, а на уровне трёх аршин от пола обведены голубой узкой каймой – единственное украшение. В одном из коротких простенков на высоте трёх с четвертью аршин⁴¹ окно с двойной железной рамой, в которую вставлены в три ряда по пяти небольших стёкол. Верхний край рам скруглён параллельно потолку. Снаружи, кроме двойных железных рам, окно закрыто железной проволочной сеткой, с ячейками около 1 кв. вершка⁴². Стена толщиной в аршин. Между наружной сеткой и двумя железными рамами ещё вделанная в стены кованная железная решётка. Оконная ниша глубока, четыре ряда железных переплётов отнимают много света, да, кроме того, снаружи перед окном вышиною на уровне, вероятно, нашей крыши (второй этаж) тянется какая-то стена, застилая последнюю возможность хорошего освещения. Над нею виден клочок серого хмурого неба. В камерах первого этажа, вероятно, совсем темно. Да и здесь, в моей комнате постоянный полумрак. К тому же петроградский ноябрь не светел вообще.

В противоположном окну коротком простенке железная или обитая железом, выкрашенная тёмной охрой небольшая одностворчатая дверь с узким прорезом-глазком в верхней трети. Глазок открывается снаружи, когда часовой хочет заглянуть в камеру. Изнутри он закрыт маленькими стёклышками; этой щелью для надзора часовых они [надзиратели] пользуются редко. Под щелью в толстой двери есть ещё какое-то отверстие, плотно закрытое четырёхугольными створками. В левом углу от двери – тёплый угол – видимо зеркало печи, но оно ничем не выдаётся внутрь камеры и совершенно закрыто штукатуркой. Здесь же на высоте трёх аршин маленькое отверстие вентиляционного хода, закрытое чёрной решёткой. В правом углу – стульчак водяного клозета, а между ним и дверью – кран водопровода с маленькой раковиной, над ним крошечная ниша в стене для мыла, посреди комнаты изголовьем к левой стене (если смотреть от двери) – кровать. Её ножки вделаны в пол, её спинка наполовину углублена в штукатурку. Кровать массивная, железная, обычного госпитального типа. Небольшая подушка – грубая. Матрасец, набитый соломой, плоский и твёрдый, плохенькая простыня, плохое одеяльце и полотенце. – Таков казённый инвентарь в моей клетке. Подле кровати железный, на кронштейне, вделанный в стену стол и на нём всё моё хозяйство: хлеб, чайник с горячей водой, солонка – тоже казённая. Здесь же лежат мои книжки, бумага... Никакой другой мебели нет. Нет даже табурета, и кровать служит вместо него.

По стенам, кое-где карандашные надписи и надписи совсем недавнего происхождения. Над изголовьем кровати расписался «Вл. Войтинский» – кажется недавний комиссар Временного правительства на каком-то из фронтов⁴³. – Его, очевидно, как оборонца, заперли сюда пораженцы. В правом углу у окна подписи 12-и юнкеров, заключённых сюда в начале ноября⁴⁴. Я различаю в полутьме фамилии Анухина, Ухова, Вистберга, Савенко, Зинчаса, Евстифьева, Задарновского. Других разобрать не могу. Сбоку на стене в углу нарисован маленький календарь-дневник, обрывающийся 6-го ноября. Вот и всё. Дальнейшее изучение камеры ничего не прибавляет. Надо устраиваться и привыкать. Хорошо, что я захватил книжку Лихтенберже о французской революции⁴⁵, и Юра принёс мне ещё в Смольный итальянскую грамматику. Можно будет легче проводить время⁴⁶. Однако заниматься в потёмках трудновато. Глаза устают. Плохо идут в голову звучные итальянские слова.

У Лихтенберже неожиданно нахожу интересную справку. В кружке *Bouche de fer* один из жирондистов, аббат Фуше⁴⁷, свои социалистические идеалы однажды формулировал словами: «Всё для народа, всё посредством народа, всё народу». Вот откуда наши народные социалисты взяли свой лозунг. Заимствование имеет почтенную дату февраля 1791 г. Оно ново у нас потому, что хорошо забыто во Франции.

Перед обедом первая прогулка на 15 мин. Впрочем, мне показалось, что прошло всего 2-3 минуты. В небольшом пятиугольном дворике⁴⁸ всё же можно дышать свежим воздухом и любоваться солнечным днём. Морозно, снег поскрипывает под ногами, голубое ясное небо. Серая пелена утренней мглы точно сдёрнута. Солнце выглядывает из-за стен каземата. Хорошо! Надо уходить. Завтра попробую измерить дворик шагами...

Какой-то унтер-офицер принёс газету «Новая жизнь»⁴⁹. Увы, стереотипная печать так плоха, что всё расплывается, и в камере читать невозможно, хотя день ещё ясный.

Около часа дня дали обед. Я не хочу пользоваться офицерским столом и думаю испробовать еду из общего котла. Офицерский обед стоит 2 р. 50 к. Я хочу знать, как питаются те, кто не имеет денег для оплаты «привилегированного» стола. Обед из супа, с небольшими кусочками мяса, 2 ложки гречневой каши и ½ [фунта⁵⁰] хлеба – это всё. Два раза дают кипяток и к чаю на день четыре куска сахара. Около 7-и час. вечера ужин из одного пустого супа. Таков казённый паёк. Для взрослого человека, даже не рабочего, он явно недостаточен. На нём одном будет голодно.

Совершенно темнеет, и заниматься немыслимо. Это самые тоскливые часы. Караульный сказал, что раньше 6-и часов [вечера] электричество не горит. Зато горит всю ночь.

Попробую ходить из угла в угол, чтобы не сидеть на кровати.

Холодный асфальтовый пол, выкрашенный масляной краской, очень неровен. Одиннадцать шагов вперёд и назад... Долго продолжать такую прогулку было бы скучно, а свечей ещё у меня нет. Приходится ждать света.

Но в это самое время А.С.⁵¹ пришла на свидание... Я был рад услышать голос с воли, а ещё больше рад был тому, что, идя в контору на свидание, в коридоре встретил Н.М. Кишкина⁵², а затем и Бернацкого⁵³. Возвращаясь в свою клетку, увидел и Терещенко⁵⁴. Все они бодры и здоровы.

Ещё час сиденья во тьме и новый перерыв. Пришла на свидание Шура⁵⁵. Я мог передать ей несколько поручений о книжках, белье, свечке и проч. Бедняжка, она принуждена ездить в Смольный и у Козловского⁵⁶ (Боже!) просить разрешение на свидание. Для меня это было бы мучением...

Наконец-то зажглось электричество. Можно взять в руки газеты и хотя бы перечитать описание первого дня занятий Учредительного собрания. Как красочны и в то же время ужасны эти сцены большевистского вандализма и бессилия «всенародных представителей».

Латышские стрелки, разгоняющие всероссийское собрание. Бездейственные слова протеста, формула, гласящая, что мы – заключённые – с в о б о д н ы, звучит иронией⁵⁷.

Сила сломала право и ничего знать не хочет. Однако правом она *никогда* признана не будет.

Тяжело читать газеты.

Итальянская грамматика куда занятнее. По крайней мере, не думать о том, что творится на Руси.

– Поздно. Надо укладываться спать на свою холодную койку.

30 ноября

*Но окно тюрьмы высоко,
Дверь железная с замком...*

Лезут в голову обрывки давно забытой песни. День начался как вчера. От холодного пола и простуды ещё накануне схватил насморк и не пошёл на утреннюю прогулку. Два платка быстро израсходовались. Надо что-то придумывать для их сушки. В тёплом углу с помощью ниточки и перекладинки из скрученной бумажки, заткнутой в решётку вентилятора, устраиваю сушилку. Во всех стенах камеры нет ни одного гвоздика, а потому моё «изобретение» меня забавляет. В тёплом углу подвешенный на ниточке платок сохнет скоро и я вполне доволен.

За обедом дали щи из солонины, мало и скверно.

Саша прислала книги, бельё, шведскую куртку. Теперь мне не будет так холодно. Ура!

Часов около 3-х неожиданный посетитель – какой-то член прежней (Временного правительства) следственной комиссии⁵⁸ последний раз посещает «по долгу службы» заключённых. «Андрей Иванович, позвольте приветствовать вас, как народного избранника⁵⁹. Какое ужасное положение!». Я пробормотал несколько невнятных слов. Хуже всего бесплодные сожаления.

Опять так темно, что не могу писать.

Долгоруков положительно пользуется особым расположением солдат. Проходя мимо двери моей комнаты на прогулку, он всегда успевает мне сказать несколько слов приветствия.

Бедному Кокоскину достался совсем холодный номер, и его переводят далеко от нас, в 53-й. Я ему переслал плитку шоколада и в ответ получил кусочек колбасы. Всё же друзья с воли не забывают улучшать наше питание.

В 7 час. вечера я думал, что дверь уже последний раз захлопнулась за караульным, принёсшим мне ужин. Но вдруг появились неожиданно посетительницы: две сестры милосердия, в сопровождении офицера караула.

– Не жалуетесь ли вы на что-либо?

– Нет, благодарю вас. На что же здесь жаловаться?

– Холодно?

– Да, холодно.

Ушли и снова в камере глубокая тишина. Я уже собрался с удовольствием приняться за Луи Блана⁶⁰, как электричество внезапно погасло, и воцарился глубокий мрак. Но не надолго. Теперь у меня есть и свечи, и спички. Ощупью их нашёл и зажёл. Мог читать и писать до 11 час. ночи. – Даже ссудил одну свечу Долгорукову, который оказался в полной темноте. Караульный пустил его на минуту ко мне в камеру, и мы поздоровались. В коридоре полный мрак. Остановилась вода в водопроводе. Во всём корпусе тишина и темнота абсолютные.

Неужто всеобщая забастовка? – мелькает в голове фантастическая мысль.

Вода вскоре пошла, но электричество не горело всю ночь.

1 декабря

В 9 час. утра вставать совсем ещё темно. Холодно больше, чем вчера. Даже в тёплом углу почти одинаковая температура.

Сегодня день свиданий. Увижу Шуру, быть может придёт и Юрий.

Перед обедом неожиданный визит тюремного врача. Он вошёл, в военной форме, сделал два шага в камеру, предусмотрительно заложил руки за спину и сухим формальным тоном спросил: «Медицинская помощь не нужна?»

– Нет.

Не знаю, воспользовался бы я таким предложением, если бы она была мне и нужна.

Караульный внёс щётку и глухо сказал: «Для уборки».

Я стал подметать пол. Кстати, не будут попадаться под ноги какие-то шкурки от орехов. Очевидно, ещё от прежнего квартиранта остались.

На прогулке измерил дворик шагами. Всего кругом пяти сторон 180 шагов. Успел обойти шесть раз. Итого: 1080 шагов, т.е. около 360-и сажень⁶¹. День хмурый и ветреный, идёт мелкий снежок. Голуби, нахохлившись, смиренно сидят у карниза. Прошлый раз они шумной толпой слетели ко мне, надеясь на подачку. Они привыкли к тому, что узники развлекаются их кормлением. Надо захватить хлеба на следующий раз. Обед сегодня совсем плох. Суп пустой – без всего. Плавает один тонкий ломтик солёного огурца. Очевидно, это рассольник. Трудно поверить, чтобы так питался гарнизон крепости. Вероятно, такой общий котёл только для заключённых.

В сумраке пытаюсь писать дневник... Слава Богу, скоро пришла Саша, и мы поговорили о всяких личных делах. Очень хочу получить к себе в камеру семейную группу⁶². Хочу видеть, хотя таким образом детей и Фроню, которую уже никогда, никогда больше не увижу⁶³. И до сих пор про эту смерть, про это нежданное и неизбежное горе не могу ни думать, ни говорить покойно. Судьба отказала мне даже в последнем утешении – проститься с Фроней. Не могу поверить, что всё это реально. Так и кажется, что вздрогнешь и проснёшься от тяжёлого, кошмарного сна, что всего этого не было, не было, не было...

Хуже всего то, что теперь ничто не мешает думать, и никакие дела не отвлекут от своих личных тяжёлых дум. 23 года жизни точно зачёркнуты сразу, и кругом такая пустота и внутри холод и пустота. Сознаёшь, что вся твоя маленькая история теряется в громадных и трагических событиях страны, но от этого сознания, когда остаёшься один, не легче.

Дети... Да, хорошие они у меня, и пока я могу лишь радоваться на них. А как бы мы с нею вместе радовались успехам Алёнушки, приезду Володи, шумному веселью Юрия или Туси, словам молчаливой и вдумчивой Риты⁶⁴. Да, как бы мы радовались и как бы отдыхали вместе от политических тревог и ужасов современных дней...

Гремит железный ключ. Караульный принёс в оловянной миске пустую, солёную похлёбку на ужин.

Ещё один тюремный день прошёл.

2 декабря

Звуки внешнего мира почти не достигают моей камеры. Не слышно боя часов на колокольне и даже пушечный выстрел не всегда отметишь. Так глухо звучит он среди неопределённого и гулкого шума, который днём почти всегда налицо. Сама камера звучит как резонатор; всякий звук в ней раздаётся усиленно и протяжно. Стук шагов, кашель, лязг отворяемой двери и скрип ключа – резко отдаются от сводчатого потолка и гудят вверху.

Снаружи не слышно ничего. Толстые стены не пропускают никаких звуков. Они не залетают даже в окно. Но зато всё усиленно слышно, что делается в коридоре. Шаги караульного, разговор его с товарищами, звон посуды или шум отворяемой двери соседних камер, даже отрывистые фразы караульного с заключёнными слышны хорошо. Правда, звуки не отчётливы, заглушены шумом, которым вторит коридор, но всё же их слышно, и иногда можно разобрать слова. Я совершенно ясно различаю голос высокий, металлический – Кокوشкина и низкий, мягкий бас Долгорукова. Иногда караульному приходит охота петь, и заунывные, тихие звуки русской песни жалобно слышатся в коридоре, сливаясь с гулкими отзвуками. Вчера два солдата по складам читали газету. Слов разобрать было нельзя, но самый процесс чтения, медленный и спотыкающийся, был слышен очень хорошо. Сегодня утром, когда ещё было совсем темно, новый караульный читал, вероятно, при свете керосиновой лампочки, или наизусть какую-то «Божественную» книгу. Выходило вроде монотонного чтения по покойнику. Читал долго и прилежно.

Белый день занялся над столицей... но у меня в камере еле брезжит свет. В 9 час. утра, чтобы умыться, должен был зажечь свечку. Кипяток к чаю дали только в 10 часов. Говорят, не хватает посуды. Как много «работы» при диктатуре пролетариата. Если вздумают сажать всех членов «руководящих органов партии к.-д.»⁶⁵ – не хватит и

мест. Впрочем, в нижнем этаже спешно ремонтируются все камеры, печи, трубы клозетов и водопровода.

От старого режима достались новой «диктатуре» достаточно обширные тюрьмы. Но ведь новый «режим» может и превзойти своего предшественника. Дорвавшись до власти, он дёшево её не захочет отдать. Он не изжил ни своей идеологии, ни своего, увы, обаяния для тёмной массы, как это случилось с царским самодержавием. А потому он циничнее и храбрее. Ему всё ни по чём. Вчера в «Дне»⁶⁶ прочёл характеристику Ленина, написанную Неведомским⁶⁷. Какое поразительное сходство, типичное, с Петром Верховенским из «Бесов». Гениальная картина Достоевского, возникшая по поводу процесса Нечаева, только теперь понятна своей проникновенностью и пророческой прозорливостью. Разве не исполинская нечаевщина охватила Россию и мучит её в кровавом кошмаре... Только скоро ли бесноватые исцелятся, и бесы ринутся в стадо свиней?

Скоро ли?

Читая газеты, не видишь пока признаков грядущего выздоровления. А пока что от политического философствования караульный предлагает заняться уборкой, внося половую щётку...

Что же начнём камерный туалет.

Ничего бесстыднее и безграмотнее я не читал, как указание «Известий» и «Правды» на монархический заговор к.-д. Где-то взяли при обыске проект какого-то закона об организации власти. Почему он приписан к.-д., неизвестно. Проект закона говорит о выборе Президента Учредительным собранием на 1 год. Почему это называется «монархическим заговором», понять невозможно. Кто пишет подобные глупости? Безграмотные дураки? Или прожжённые негодяи для дураков? Или свихнувшиеся с ума? Или продажные провокаторы? Но ведь читать будут эту чепуху и будут верить, и ничего не поймут – тысячи и тысячи людей. В этом весь ужас современного положения⁶⁸.

Саша и сегодня добилась свидания и пришла с каким-то знакомым врачом. Всё беспокоится о моём здоровье. А у меня даже насморк прошёл, и моя сушилка уже занята полотенцем.

Как только я показался на прогулку, голуби шумно слетели с карниза, желая получить хлеба. Они клевали его на дорожке и почти не взлетали при моём приближении. Их, вероятно, кормят здесь все заключённые.

В одиночестве всякое живое существо развлекает; в моей камере также оказались жильцы. Двух из них я встретил, впрочем, с негодованием, то были клопы. Один забрался в тёплый угол, а другого я нашёл уже вблизи кровати. Даже здесь эти паразиты приспособились. Очевидно, в последнее время не было недостатка в их жертвах.

А часов около восьми вечера к стеклу иллюминатора, за которым горит электрическая лампочка, прилетела, Бог весть откуда, маленькая мошка с серыми крылышками, покружилась и исчезла в темноте. Как попала она сюда? Чем живёт? Я любовался её трепетным слабым полётом, пока она не скрылась в сумраке комнаты. Принимаюсь за итальянскую грамматику.

3 декабря

Ещё темно, но уже не спится. Среди полной тишины из коридора доносится звучный и мерный храп. Очевидно, бедняк-караульный не вынес тяжести своего революционного долга...

Как жесток сон. Сегодня я видел во сне Фроню, детей, всё, как было прежде, всё, чего уже нет и что далеко. Сон не даёт забвения, а пробуждение разрушает его зыбкий обман.

Вдали уже гремят ключи отпираемых камер. Сейчас войдёт и ко мне солдат, положит на стол четыре куска сахара, возьмёт чайник, чтобы налить кипятку и скажет:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, здравствуйте.

Пора вставать, хотя в окне ещё ни единого проблеска света.

На прогулке изучаю неправильный пятиугольник нашего внутреннего двора. Наш бастион двухэтажный и пятью корпусами непрерывно окружает двор. Внутри двора насчитываю в двух сторонах по пяти окон в верхнем и нижнем этаже, в двух по шести окон и в одной по три. Затем в углах между сторонами небольшие простенки по одному окну.

Всего в верхнем этаже 30 окон, в нижнем 27. Место трёх окон занимают одни ворота и две входных двери, ведущие в коридоры камер. К дворику внутри бастиона примыкают коридоры, опоясывая его кольцом. Окна камер [смотрят] в сторону противоположную от двора. Судя по моей камере, кругом бастиона ещё тянутся стены каких-то зданий. Если предположить, что в простенке с тремя окнами помещается контора и комнаты для свиданий, то, судя по количеству окон в коридорах, выходящих на дворик, в бастионе должно быть свыше 80-и камер. Пока, кажется, все (?) камеры нижнего этажа пусты, но, по-видимому, администрация ждёт новых жильцов: ремонт труб продолжается, несмотря на воскресный день. Вчера за этим ремонтом наблюдал один из заключённых: я с радостью узнал в нём Пальчинского⁶⁹.

– Вот, чем приходится заниматься, – сказал он, иронически улыбаясь, и затем опять стал давать какие-то указания работавшему мастеру. Я шёл на свидание и не остановился даже, тем более что мой провожатый, матрос 2-го балтийского флотского экипажа, очень недоброжелательно отнёсся к «разговору». На обратной дороге встреча

была совсем не из приятных. Из бани в халате и туфлях, в сопровождении двух конвойных шёл И.Г. Щегловитов⁷⁰. Он мало изменился за 9 месяцев. Впрочем, я быстро прошёл мимо него и не успел рассмотреть, как следует.

Троцкий и Ленин, отвечая на вопросы о нашем аресте, угрожали в будущем... *гильотиной*... Так передано в газетах. Что же? Ещё раз в истории человечества лицемерная поддержка свободы и благосостояния отечества будет основана на казнях. Логически до этого должны доходить все насильники, презирающие всё, кроме своей воли, или преследующие свои безумные планы, вопреки желанию большинства населения. Сейчас насилия вооружённых людей заменяют им национальное мнение, и это уже начало их гибели, как всякой тирании. *Lasciate ogni speranza*⁷¹, – могу я теперь сказать по-итальянски, – вот что должно быть написано в заголовке всех насильственных действий, в судьбе всех узурпаторов. Всё же насилие никогда правом признано не будет...

Самое хорошее время в тюрьме наступает после 7 час. вечера. Караульный внёс пустую похлёбку на ужин, чайник с кипятком и запер дверь до утра. Больше уже никто не потревожит. Не придёт дневальный со щёткой, не явится с ненужным визитом тюремный врач с обычным вопросом о медицинской помощи, не принесут посылки или газет, напоминающих о внешнем мире. В коридоре воцаряется абсолютная тишина, только слышны глухие шаги в какой-то камере, но вскоре и они замолкают. Совсем тихо... Усевшись на кровать с ногами (на полу стыннут ноги) читаешь или думаешь один в тишине, и мысли текут спокойно и глубоко. Тихо и на душе...

4 декабря

День без газет. Но об этом даже не жалеешь. Вести внешнего мира только раздражают, хотя и не можешь от них оторваться, когда приходит солдат с новыми газетами. Оторванный от событий, лишённый какой-либо активной возможности проявить во вне свою волю, свою мысль, даже не зритель, а запертый в четырёх стенах «читатель» совершающихся событий – роль, мало подходящая для людей с моим темпераментом и ещё достаточно пригодных к работе.

Вероятно, самое тяжёлое сидеть в тюрьме в молодые годы, когда всё направлено к деятельной жизни, а насилием принуждён к пассивно-созерцательному времяпрепровождению.

«С воли» прислали массу вещей и съестных припасов. К чему всё это? Я и на свободе не очень ценил всякие удобства и снеди, а здесь они кажутся совсем лишними. Скажу, чтобы ничего мне не прислали. Скрасить тюремную жизнь ничто не сможет, а набивать её мелочами не стоит. Суровая – она проще и легче воспринимается.

Вот и мой караульный сегодня стал заговаривать о несправедливости нашего ареста и явно выказывал своё сочувствие. Он сменился вчера с ночи и сразу стал заботливо

спрашивать – не холодно ли в камере? Далее рассказал, что большевикам не все сочувствуют, показал, в виде примера, письмо от брата. Тот пишет, что надо перетерпеть это время, «все прожужклись» и все ругают социалистов...

– Вот так и дождутся, что опять царя захотят, – философски заметил мой новый покровитель.

Оказывается, что с самого начала революции наши теперешние охранители заменили старых жандармов в крепости и с тех пор служат здесь. «Мы и при вас здесь служили и при всех прежних правительствах⁷², а большевики нам не доверяют, всё хотят выгнать и заменить матросами, всё требуют строгости к заключённым, а жалованье не платят вот уже второй месяц». И неожиданно добавил: «Пропадут они со своим социализмом».

Да, конечно, пропадут... Но сколько пропадёт помимо них ни в чём не повинных, тёмных, несчастных людей, которым сулили рай на земле, мир на фронте, а повели [на] гражданскую войну и к новым убийствам... У Лихтенберже я прочёл следующее, вполне точное определение итогов Великой Французской революции, в смысле достижения коммунистического идеала: «Основной результат, к которому привели социальные преобразования революционной эпохи, диаметрально противоположен социалистическим тенденциям». – Главные социальные реформы проведены были Конвентом, и подкреплены террором. Он начался на четвёртом году революции. У нас он возник на 9-м месяце, и конец будет сходный. Наши социалисты крестьянскую тягу к земле приняли, как стремление к социализму, или, пользуясь этой стихийной жадью земельного захвата, хотят повернуть его к социализму. И то, и другое – величайшая ошибка. Первобытные отношения и первобытный коммунизм есть зародыш общественности, но из первобытных граждан не создать социалистического государства, как из дикарей не сделаешь парламентариев. Крестьянство разочарует все ожидания социалистов, как только кончится захват и самый хищнический раздел частновладельческой земли. Никакая социализация не сможет быть осуществлена. Дело кончится и у нас полной противоположностью тому, к чему стремятся социалисты. И чем больше будет насилия, тем быстрее наступит противоположный эффект...⁷³

Неожиданно мои заметки были прерваны приходом жены Горького – Андреевой⁷⁴. Пользуясь, видимо, высокой протекцией, она посетила всех нас по камерам. «Все волнуются о вас и вашем здоровье. Что им сказать от вас? Не нужно ли чего? Как ваши нервы?» – «Благодарю, я совершенно спокоен. Столько свалилось на меня за последнее время личных невзгод, что я как-то перестал их чувствовать. Здесь тихо и покойно. Передайте всем мою просьбу не беспокоиться обо мне!».

Она ушла к Долгорукому, и я сквозь дверь слышал их голоса – мягкий бас князя и красивый тембр её контральто...

Больше не хочется ни писать, ни рассуждать.

Где-то итальянская грамматика? Она отвлечёт от всяких беспокойных мыслей.

5 декабря

Уже неделя прошла, как нас лишили свободы. Я не думал, что время даже в заточении идёт так быстро, так незаметно. Правда, что я сплошь заполняю его какой-либо работой. Остаться долго одному, без дела, вероятно, было бы ужасно. Тюремный режим социалистов-жандармов много мягче самодержавных жандармов⁷⁵. Пока у нас не было случая глумления над личностью. Все вежливы, а там издевательство, говорят, было правилом. Кроме того, в чтении, в письме, свиданиях и посылках очень мало ограничений. Я лишился лишь своего перочинного ножа. Это, конечно, причиняет некоторые неудобства, но сущие пустяки по сравнению с прежним режимом. Не только солдаты, но и матросы, и офицера караула очень корректны, хотя матросы имеют всего более озлобленный и суровый вид. Почему? Солдаты же, как общее правило, добродушны. Всё же тюрьма – тюрьма, и насильники всегда оправдывают свои насилия приблизительно одинаковым образом, часто до курьёза одними и теми же словами. На первом месте, конечно, государственное благо, *salus reipublicae*⁷⁶.

Вот и теперь наша партия объявлена врагом народа, врагом Российской республики. Вчера я прочёл в газете, как какой-то с.-р. (левый) оправдывал на собрании наш арест тем, что при тушении пожара не жалеют стёкол. Ему напомнили, что ту же самую фразу сказал в Г[осударственной] Думе Столыпин⁷⁷. Воспоминания надо продолжить много дальше. Луи Блан, описывая бунт 6 октября 1789 г. и поход парижских женщин за хлебом и королём в Версаль, поход, чуть было не кончившийся, благодаря какому-то тёмному заговору, убийством королевы бандой подсланных людей, приводит, между прочим, фразу графа Прованского (брата Людовика XVI) и по-видимому тайного главы придворных заговоров. Когда ему сказали об опасности, угрожавшей королевской семье, он спокойно заметил: «Что делать. У нас революция, а ведь на пожаре без битых окон не обойтись».

На свидание неожиданно пришла О.А. Кауфман и Вера Давидовна⁷⁸. Обе натащили всякой всячины. Притащили почему-то Romain Rolland⁷⁹. Я читал ещё с Фроней «Jean Christoffe», и мне он очень нравился. Теперь не знаю. Он так много пробудит недавних воспоминаний. Почему именно эту книжку случайно они захватили? Вчера в «Revue de deux mondes» я прочёл маленькую вещицу Jerard d'Houville – «La nuit porte conseil»⁸⁰. Как не похожа эта пастораль, очень лёгкая и красивая, на недавний реализм натуральной школы. Как она вообще мало современна и как хороша, вероятно, на сцене, например, Художественного театра. Саша пришла с Юрием. Бедный парень, вероятно, всплакнул от первых впечатлений тюрьмы. Да и жить вдруг одному в пустой квартире, после того, как всегда вся семья была в сборе, тяжело в 18 лет. Какое грустное детство и юность для моих девочек и мальчиков. Суровая политическая буря

и личные тяжёлые потери лишь бы не изломали их юную жизнь⁸¹. Это такое горе, которое для меня будет самым ужасным. На мою долю выпало много счастья, много успеха; жизнь прошла полно и интересно. Если теперь она наносит удар за ударом, то были и лучшие дни. Да, наконец, мне и перенести теперь это легче. А им?

Вера Давидовна говорит, что нас могут выслать за границу. Но как я их оставляю? А как их я смогу взять, когда нет ни гроша, чтобы их там устроить⁸². Лучше здесь отсидеть, чем высылка.

6 декабря

У меня на столе плошечка с вишнёво-красными цветами цикламена. Тёмные, круглые листья окружают красивые поникшие головки цветов. Их принесла вчера О.А. Кауфман. В сумраке тюремной камеры они выделяются странным пятном. Эти цветы в неволе так не подходят к суровой простоте и пустоте комнаты. Они говорят о другой жизни. Цветы в тюрьме. Что может быть более неожиданного, несочетаемого в соединении этих понятий. Цветы так красят внешнюю жизнь, тюрьма сводит её почти на нет, почти к пределу физиологического жития. Цветы – продукт солнца, тепла, света и свободы. В тюрьме сумрачно, холодно, пусто. Украсить тюрьму – это противоестественно, украсить могилу – это понятно. И мне хотелось бы эти вишнёво-красные цветы поставить на далёкую могилу⁸³. Она так бедна теперь. В последний раз, когда я был там, она была занесена пушистым белым снегом. Мне было грустно, как никогда. Всё скрыто под ним, всё, что никогда не воскреснет к жизни, всё, что прошло и сразу оборвалось. Зачем? Почему?

7 декабря

Всё однообразно; день проходит как предыдущий, и завтра будет то же, что вчера. Только газеты будоражат и вызывают чувство мучительного бессилия. Нет имени негодяям и лжецам, пишущим в «Правде». Даже свою неспособность справиться с пьяными погромами и неистребимую слабость толпы, разнузданной и развращённой безнаказанностью и бессудностью, они сваливают на контрреволюцию, корниловцев и калединцев⁸⁴. Подлые и жалкие лгунишки, без чести и смелости говорить «правду». Самая отвратительная смесь партийного ханжества и безнравственности. Но самое ужасное, это не ложь отбросов социалистической партии, а тот национальный позор, унижение и рабство, которые эти люди готовят для страны в переговорах с немцами. Неужели и это ещё придётся вынести? Вчера говорили даже, что дивизия немецких войск войдёт в Петроград⁸⁵. Не хочется верить в этот кошмар измены и безумия. Надо кричать на всю страну..., но кругом только четыре толстых стены, шаги часового в коридоре и тишина тюрьмы.

Опять принесли всякую массу свёртков с продуктами. И я снова пишу убедительные письма, чтобы ничего не присылали мне. Нужно так мало, и эти заботы друзей только удручают. Вечером я мирно читал, как вдруг неожиданный инцидент: часов около 8 вечера зовут меня в канцелярию и просят остаться в комнате с солдатом. А в это время, как оказывается, обыскивают камеру и приносят связку бумаг, которые лежали на полу. Я ещё вчера с удивлением нашёл её среди вещей и еле просмотрел: там оказались секретарские бумаги за сентябрь – август [1917 г.]⁸⁶. Я их хорошенько даже не рассматривал и положил на пол, удивляясь, кто и зачем мне их прислал. Не знаю даже, что [ещё есть] в этой папке. Ужасно странно, что сегодня приходят с обыском и берут как раз эту папку. Что в ней кроме секретарских дел? Понятия не имею. Зачем она попала ко мне – совершенно не знаю. Удивительно странная история, которая, однако, раздражает меня своей бессмыслицей и неясностью.

8 декабря

Саша на свидании принесла нашу фотографическую семейную группу и письма от девочек. Я едва удержался от слёз, глядя на группу. Ещё в апреле мы были вместе, все лица весёлые, Фроня очень похожа и жива. А что осталось теперь! У меня сжимало горло, и я с трудом говорил. А тут ещё письма девочек. Полные энергии и возмущения строчки Туси; она рвётся в Петроград. И трогательные, не по-детски серьёзные слова Алёнушки: «Лучше уж умереть с голоду, но в Петрограде, а тут всё равно мы умираем по кусочку, понемногу»⁸⁷. Бедные крошки! Но как их привезти сюда? С кем их оставить здесь? Я долго не мог успокоиться и шагал из угла в угол своей десятиаршинной клетки. Что сделать? Что им написать?

Поздно вечером получил записку от Саши, что глупая история с бумагами, которые как-то попали ко мне в камеру, в Смольном разъяснена. Хорошо всё, что хорошо кончается. Но я до сих пор не понимаю, зачем они ко мне попали, кто эту глупость сделал и почему про неё узнали, и, устроив обыск, их нашли. Вся эта дикая история совершенно не укладывается в моей голове. Нужно было к нелепости случайного ареста прибавить нелепость чьей-то выходки или ошибки с этими бумагами⁸⁸. Даже в тюрьме спокойно не просидишь.

9 декабря

Как-то в одном из разговоров в Москве в ЦК определяли состав «большевистского» движения, и некоторые находили его состоящим из пяти элементов:

- I. а) это тёмная, политически несознательная, но озлобленная социальным неравенством и хозяйственным распадом страны, под влиянием войны, рабочая масса;
- б) не желающие воевать, распушенные и развращённые массы необученных, молодых и бездельных солдат, оторванных от здорового сельскохозяйственного труда, в

том возрасте, когда энергия всё же ищет выхода, и теории самые крайние всего легче увлекают. Массы, столь же или менее сознательные, чем рабочие и ещё более склонные к насилию и грабежу;

II. в) уголовные элементы тюрем;

III. г) охранники и приспешники старого режима, примазавшиеся к большевизму;

IV. Германские шпионы и германофилы;

V. Идеологи диктатуры пролетариата, фанатики социальной революции, безумцы и адепты внутренней классовой войны.

Масса рано или поздно образумится. Солдаты возвратятся домой, рабочие исстрадаются от голода и безработицы большевистской разрухи и изуверятся в своих безумных вождях, уголовные постепенно снова попадут в тюрьмы, охранники и монархисты, быть может, с помощью большевиков загребут жар их руками и чего доброго добьются реставрации; германцы, разложив Россию и надругавшись над нею, уйдут nach Vaterland⁸⁹ или будут эксплуатировать новую «колонию», и только идеологи и безумцы никогда не поймут, что они сделали и чьим орудием они были. Они – самые интересные и самые ужасные из всей этой пятерной смеси большевистской бурды. Они дрожжи и, как дрожжи, первые должны гибнуть от эффекта брожения, ими вызванного. Как могут [они] верить в своё «дело»? Могут, вероятно, по той же схеме, по которой скептик никогда не поверит: *Credo, quia absurdum*⁹⁰.

Но одного я не понимаю, то, чего не мог понять никогда. Как эта вера в величайшие принципы морали или общественного устройства может совмещаться с низостью насилия над инакомыслящими, с клеветой и грязью. Тут или величайшая ложь своему собственному богу, или безграничная глупость, или то состояние, наконец, которое английские психиатры определяют понятием *moral insanity* – нравственное помешательство, неспособность различить добро и зло, слепота и глухота к низкому, подлому, преступному⁹¹.

Фигуры Ленина и Луначарского мне представляются принадлежащими к этой последней категории.

10 декабря

Ещё одно письмо, разъясняющее появление в моей камере бумаг... Только одно всё же остаётся мне непонятным. Я понимаю теперь, как и от кого попали ко мне бумаги, но каким образом об этом узнали и сделали у меня обыск, – этого я не понимаю⁹². Во всяком случае, вся бессмыслица этой случайной истории по-прежнему портит мне настроение. Случайности жизни, важные и трагические, пустяковые и забавные всегда вносят много красок, много разнообразия в процесс жизни. Но глупые случайности ничего кроме досады не вызывают, ибо нет ничего хуже бессмыслицы.

Газеты полны описания новой начинающейся гражданской войны – Севера с Югом. Развязка большевистского террора близится. Но сколько горя ещё предстоит стране! Ведь террористы и фанатики уступали всегда только силе, а сила всегда жестока и часто несправедлива.

11 декабря

Как не похожи люди друг на друга. В нашей казарменно-тюремной жизни меня очень занимает различие в словах, тоне, манере обращения наших дежурных часовых. Один молча и угрюмо проводит своё дежурство, молча и тихо отпирает камеру, смущённо и мягко говорит «Здравствуйте» утром или «Пожалуйста на свидание» – днём. Во время прогулки незаметно подметает камеру или потом принесёт от Долгорукова газеты. Другой – стучит и шумит в коридоре, поёт, читает вслух по складам, стучит ключом, прежде чем отопрёт дверь, не здоровается, шумно ставит на стол чайник или оловянную миску с деревянной ложкой. Особенно курьёзна различная манера приносить утром сахар к чаю. Один принёс мне эти 4 куска прямо на своей ладони, другой на своей барашковой шапке, третий – завернутыми в бумажку, четвёртый, наконец, подал мне целый свёрток, сказав: «Возьмите сами». Однажды караульный совсем не принёс сахару, рассчитав, вероятно, что у меня и без казённого пайка много всякой всячины.

Некоторые, очевидно, стесняются своей роли тюремщиков, бывают грустны и смущены, предлагая, что полагается по правилам, убрать комнату и подавая щётку; другие, наоборот, развязны и даже как бы несколько удовлетворены заключением «буржуев». Один с улыбкой мне показал крупными буквами напечатанное в заголовке «Правды» раскрытие «заговора» кадет по поводу разгрома винных погребов. – «Какая глупая ложь!» – сказал я. Но он отошёл, поглядев на меня недоверчиво и лукаво⁹³.

Один, который оставался со мной в конторе, в то время как в моей камере производился обыск, спрашивал меня: «Чем же всё это может кончиться?», и я ему стал рассказывать о том неизбежном провале завоеваний революции, который будет вслед за большевизмом.

После дурацкой истории с бумагами, попавшими ко мне, все стали более подозрительными. На прогулке большею частью только один [солдат] стоял со скучающим видом у дверей и нетерпеливо, переминаясь с ноги на ногу, ждал, когда окончится срок.

«Ещё девять прогулок!» слышал я, как однажды один из караульных сказал сопровождающему. То, что для нас единственные четверть часа возможности подышать свежим воздухом, для них лишь добавочное время к томительным прогулкам бездельных заключённых. Иногда на дворе холодно, и они успевают озябнуть в течение ряда прогулок. В иных случаях скучное ожидание у двери, пока я делаю свои

4-6 кругов во дворике тюрьмы, заменяется настоящим парадным надзором за тяжким и опасным преступником. Часовой с ружьём стоит у двери, а его спутник с шашкой ходит внутри дворика вокруг маленького дома; всё время, как я хожу по внешнему кругу, он наравне со мной ходит, более медленно, по внутреннему кругу, не теряя ни минуты меня из виду. Даже смешно, хотя, вероятно, он строго исполняет правила. Что может сделать безоружный человек, запертый кругом двухэтажными стенами бастиона? Но по «форме» полагается, и некоторые строго исполняют форму. В наше время полного разрушения дисциплины странно видеть довольно хорошую дисциплину у тюремной стражи. Но она несомненно есть, и ей подчиняются и те, кто сочувствует новым арестам, и те, кто их не понимает, и те, которые им не сочувствуют.

Сегодня во время обычного визита тюремного врача он, против обыкновения, пустился жаловаться на своё тяжёлое положение, на то, какая это неприятная обязанность, на то, что некоторые не понимают его бессилия им помочь, что, например, Третьяков⁹⁴ всё требует, чтобы он отправился в Смольный и там добился разрешения на консилиум. «Да я вовсе ничего не могу в Смольном сделать. Я даже и не тюремный врач, я врач крепостного гарнизона. Я вовсе не разделяю этих убеждений и не желаю иметь дела со Смольным!» – добавил он неожиданно.

Мне оставалось ответить лишь, что действительно его положение тяжёлое, но я не собираюсь причинять ему никакого беспокойства своей персоной.

Сегодня прогулка была очень поздно, в 4½ часа, когда уже смерклось, и я напрасно брал свой хлеб: голуби улетели уже на ночлег и над двориком носились лишь галки, кружась и крича своим негармоническим криком.

12 декабря

Вчера поздно вечером принёс караульный вечернюю газету. Первый процесс в революционном трибунале – процесс Паниной. Слишком много протестов вызвал её арест, и они поспешили от неё отделаться. Больше глупости, по-моему, они сделать не могли. У Паниной нет политических врагов, а друзей во всех партиях очень много. Да иначе и быть не может. Все, кто её знают, не могут её не любить и не уважать. Я припоминаю свою первую встречу с ней в глуши Воронежской губернии 14 лет тому назад, когда в Валуйском санитарном совете меня, как губернского санитарного врача, пригласили посмотреть план больницы, которую Панина хотела построить в с. Вейделевке⁹⁵. Она сама была там, и я пришёл тогда в восторг от её скромности, простоты, деловитости и какой-то отрешённости от личной жизни, что в то время меня увлекало и было дорого. Я помню, я долго надоедал всем, расхваливая Панину. С тех пор прошли долгие годы, но моё отношение к ней не изменилось. Я всегда любовался ею: и в собрании попечительств о бедных, и в городской Думе, и в заседаниях нашего ЦК, куда она вошла вскоре после начала революции, и в немногих заседаниях

Временного правительства, где она изредка замещала, как его товарищ, Д.И. Шаховского⁹⁶. Также и на этом своеобразном «суде», если только можно назвать судом то, что создано под названием революционного трибунала, она, как всегда, держала себя молодцом.

Если так будет продолжать действовать революционный трибунал при явном и всеобщем негодовании, он ничего не прибавит «славе» большевиков, но очень будет способствовать отрезвлению многих. Что бы ни говорили о революционном настроении масс, чувство правды всегда живёт даже в тёмной толпе: она может в безумном порыве животной злобы дойти до зверского самосуда, но терпеть долго и хладнокровно «Стучкин» суд⁹⁷ она не сможет. В конце концов, чувство правды возьмёт верх, и суд над большевистским «судом» свершится.

Как раз сегодня Саша мне говорила о предстоящем надо мной суде, о необходимости найти защитника... Мне, по правде сказать, всё равно. Я даже думаю, что не нужно никакой защиты. Пусть судят, как хотят. Всё равно ведь это не суд, а извращение насилия. При чём же тут прикрасы защиты?⁹⁸

13 декабря

Чем сумрачнее день, тем меньше света в моём бедном окне. Но даже и тогда, когда солнце светит так ярко, в мои стёкла не попадают даже косвенно его лучи. Только стена перед окошком делается более ясно очерченной, да кусок зимнего петроградского бледно-синего неба говорят мне о солнечном дне. Прогулка сегодня запоздала. Я не хотел идти гулять в 9 час. утра, когда ещё совсем темно, и я даже не успел выпить чаю. Грозил оставить без прогулки за отказ идти в срок, когда пришла очередь. Что делать. Я всё же не хочу гулять среди утренних сумерек. Единственное удовольствие – это любоваться ясным небом, деревьями, увешанными белыми клочьями снега, его ясным блеском в нашем дворе. Сегодня, когда я вышел на прогулку, солнце уже заходило. Только пронесившиеся облачка на светлом небе были окрашены красивыми розоватыми, голубоватыми отблесками бледной вечерней зари. Хорошо как на воздухе. – «Пожалуйста!» говорит караульный.

15 минут прошли, надо возвращаться в свою комнату. Вечером неожиданно зашли ко мне члены «Красного Креста» – Н.Д. Соколов, снявший, наконец, свою чёрную шапочку с головы, и ещё другой – первый посетивший меня здесь – неизвестный мне гражданин⁹⁹. Мне предлагали хлопотать, принимая во внимание мои разные болезни, перевести в больницу. Я отказался покидать здесь моих товарищей и говорил лишь о необходимости позаботиться о Ф.Ф. Кокоскине, у которого плохи лёгкие. В самом деле, к чему менять место заключения, к которому уже привык, на какое-либо другое. Лечиться? Но мои хронические недуги не излечиваются.

Единственно чем мне работники «Креста» могли бы помочь, это достать мне мандат об избрании меня в Учредительное собрание. В Харькове я прошёл наверно; судя по газетам, прошёл я и в Воронеже¹⁰⁰. Это последнее, если такие сведения верны, меня радует. Всё же быть хотя бы и в тюрьме, но членом Учредительного собрания от родной губернии очень приятно. Боюсь только, что история с Учредительным собранием будет кратковременным и печальным эпизодом в истории второй русской революции. В Смольном мечтают уже о «Конвенте» или о перевыборах, – словом, о какой-то новой форме для поддержания своей диктатуры. Какую ужасную опасность они готовят сами для себя. Демократия, которая так относится ко всеобщему избирательному праву, наносит всей своей доктрине непоправимый удар. «Если уж диктатура, то диктатура государственников и не социалистов», скажут многие, и этот соблазн скоро будет увлекать.

14 декабря

Годовщина восстания декабристов. Они тоже, почти сто лет тому назад были здесь в этих казематах Петропавловки, и наш бастион носит имя одного из них¹⁰¹. Они умирали с верой в своё дело. Наше поколение живёт, теряя веру в то, что оно сделало. Какой урок для наших преемников, если мы сами не сумеем им воспользоваться. Когда меня спрашивают: «Стоило ли делать революцию, если она привела к таким результатам?» – я отвечаю двумя соображениями:

1. Наивно и близоруко думать, что революцию можно делать или не делать: она происходит и начинается вне зависимости от воли отдельных людей¹⁰². Сколько раз её пробовали «делать» и погибали от равнодушия окружающих и преследования врагов. Она приходит, как ураган и уходит чаще всего тогда, когда никто не подозревает её близости, или все верят в её прочность. Задержать революцию – такая же мечта, как и продолжить или углубить её. Кто задержит бурю, и кто её остановит? Многие предчувствовали её возможность, многие предвидели и предчувствовали её появление у нас, особенно начиная с осени 1916 года; никто не волен был ни её предупредить, ни даже изменить её формы. Все, кто себя упрекает, или собою гордится за время революции, могут это делать лишь по отношению себя самих. Изменение их поведения ничего не смогло бы изменить в ходе развития революции. Это не фатум и не детерминизм. Это логическое развитие событий в громадном масштабе под влиянием громадной величины движущих сил. Сожаление, раскаяние, упреки и обвинения интересны и, быть может, уместны в индивидуальной жизни, в личных характеристиках или личных переживаниях. Для революции они ничто, они так же бесцельны, как гадания на тему: «что было бы, если бы то-то и то-то не случилось, или если бы такой-то не сделал того-то»...

2. Если бы мне предложили, если бы это было возможно, начать всё сначала или остановить, я бы ни одной минуты не сомневался бы, чтобы начать всё сначала, несмотря на все ужасы, пережитые страной. И вот почему. Революция была неизбежна, ибо старое изжило себя. Равновесие было нарушено давно, и в основе русской государственности, которую недаром мы называли колоссом на глиняных ногах, лежали тёмные народные массы, лишённые государственной связи, понимания общественности и идеалов интеллигенции, лишённые часто даже простого патриотизма. Поразительное несоответствие между верхушкой общества и его основанием, между вождями государства в прошлых его формах, а также и вождями будущего и массой населения – меня поразило ещё в юности, с первых лет университетской жизни. Оно представляло собой не только опасность для существующего порядка, это была бы не беда, оно представляло громадную опасность для государства. Тогда эти мысли привели меня к заключению о необходимости сближения верха с низом, установления связи прочной и реальной. Тогда мне казалось всё бесполезным: наука, искусство, политика, если они не преследовали только эту цель. Вот почему тогда я бросил свои первоначальные планы отдаться науке, которая меня притягивала, и пережил свой первый кризис, бросив занятия ботаникой и поступив на медицинский факультет, чтобы уйти в народ врачом. Отвергнув второе искушение остаться при клинике у Остроумова¹⁰³, я пошёл даже не земским врачом, я думал, что это отдаляет от народа по положению, а просто вольным врачом¹⁰⁴.

Долгие годы потом показали мне, как трудно что-либо сделать на той дороге, на которую я пошёл, и как старый режим заграждал тысячами препятствий эту дорогу, по которой и без его упрямого и безумного сопротивления можно было двигаться лишь очень медленно и с огромным трудом. Те же мысли, те же соображения всегда руководили мною и в политической работе. Вот почему я всегда стоял за эволюцию, хотя она идёт такими тихими шагами, а не за революцию, которая может, хотя и быстро, но привести к неожиданной и невероятной катастрофе, ибо между её интеллигентными вожаками и массами [–] непроходимая пропасть¹⁰⁵. Теперь, когда революция произошла, бесцельно говорить о том, хорошо это или плохо. С весны 1915 года она стала роковой необходимостью, и это я увидел осенью 1916 года, и в этом направлении я тогда впервые пошёл. Правда, многие, и я в том числе, мечтали лишь о перевороте, а не о революции такого объёма, но это лишь было проявление нашего желания, а не реальной возможности¹⁰⁶. Теперь, когда революция произошла в таких размерах и в таком направлении, какого тогда никто не мог предвидеть, всё же я говорю – лучше, что она уже произошла! Лучше, когда лавина, нависшая над государством, уже скатилась и перестаёт ему угрожать. Лучше, что до дна раскрылась пропасть между народом и интеллигенцией и стала, наконец, заполняться обломками прошлого режима. Лучше, когда курок ружья уже спущен и выстрел произошёл, чем

ожидать его с секунды на секунду. Лучше потому, что только теперь может начаться реальная созидательная работа, замена глиняных ног русского колосса достойным его и надёжным фундаментом. Вот почему я не сожалею о происшедшем, готов его повторить и не опасаясь будущего. Я не боюсь несчастных и безумных опытов социалистов. Они приняли первобытный коммунизм примитивных форм народной жизни за социалистические идеалы народа. В бездорожной, безграмотной стране с полунатуральным хозяйством и зависимостью от иностранной промышленности и иностранного капитала они надеются создать царство социализма. Фантазия детей, желающих поймать звёзды своими ручонками. Они не только не поняли глубины научного *эволюционизма* Маркса и его экономического материализма, они не поняли даже глубины Толстовского анализа «Царства Божия», которое «внутри нас есть». Они похожи на персонаж из новелл Боккаччо, который хочет «загнать ослов дубиной в рай». Несмотря на грубость этой характеристики, она верна. Я не боюсь этих экспериментов буйной юности мысли и незнания собственного народа и чужой истории. Чужой опыт всегда плохо используется, и лучшая наука – собственные ошибки. Луи Блан прав, говоря, что «общества имеют не только тело, но и душу, и когда душа изменилась, преобразовывается и тело. Всякая глубокая революция есть эволюция». Этот примиряющий аккорд для меня имеет теперь первенствующее значение. Душа народа у нас ещё пока мало изменилась, но изменилась, а главное раскрылась, и до неё дошла государственная жизнь, её захватила или требует от неё ответа. Рано или поздно начнётся постройка новой государственности на единственно возможном и незыблемом фундаменте. Вот почему я приемлю революцию и не только приемлю, но и приветствую, и не только приветствую, но и утверждаю. Если бы мне предложили начать её сначала, я, не колеблясь, бы сказал теперь: «Начнём!»¹⁰⁷

15 декабря

Выводы правильны. Вчера они мне казались наиболее верными, и я думаю надолго они будут решающими. Но среди обломков прошлого и хаоса настоящего как трудно двигаться и дышать. В процесс революции вплелась война или, вернее, война развернула процесс революции до неведомой глубины. И это единственное, что меня тревожит. Выдержит ли государство тяжесть этих двух ударов? Государство, которое мне дорого и целость которого для меня есть главное основание его будущего расцвета и силы¹⁰⁸. Или революция и война, столкнувшись, схватившись в смертельной борьбе, столкнут в пропасть и государство, в котором они зажглись? Вот вопросы, которые не дают мне покоя, и разрешение которых пока темно для меня.

Вера в государство, в народ, несмотря ни на что, во мне преобладает, но пока это лишь вера, а я хочу не только верить, но и знать.

Дни свиданий не дают мне много радости. Я рад видеть только Сашу и Юрия. Остальные мне безразличны. Люди приходят вовсе не для меня, а для себя. Без них спокойнее. Одиночество тюрьмы имеет огромную прелесть, с которой будет жаль расстаться. Она положительно нужна, когда хочешь сосредоточиться. Отрезанный от общественного дела, которое перед этим заполняло всё, вдруг остаёшься только с самим собой и переживаешь всё прошлое, и горечь невозвратного сжимает горло и подступает к глазам. Только её я хотел бы, безумно хотел бы видеть и не увижу никогда. Я был бы счастлив в тюрьме остаться надолго, если бы не дети. Да, их я здесь видеть не хотел бы, но не быть с ними – это тяжёлое горе. Общественность всегда заслоняла у меня личные дела, семью. Теперь, когда общественность вырвана, оторвать и семью – это так больно. Ещё теперь, когда дети не совсем выросли, жить с ними огромное счастье. Потом у них начнётся своя жизнь, и останешься один, но теперь терять дни в одиночестве долго – невозможно. Дети – это самое большое счастье, какое существует в личной жизни. Я вообще не могу видеть равнодушно детей ни своих, ни чужих, а маленьких в особенности.

16 декабря

Как это странно. Сегодня, идя на свидание не очень охотно (Саша не могла придти в этот день) и увидав еле известную мне г-жу, психиатра в Шувалове, которую я раз или два видел раньше, я не понимал, зачем она пришла ко мне и даже досадовал, что этот неожиданный и ненужный визит оторвал меня от книжки. Возвращаясь к себе в камеру, я с изумлением встретил в коридоре маленькую девочку 4-5 лет, которая с беззаботным видом и весёлыми глазками прогуливалась под нашими мрачными сводами. Ребёнок, гуляющий в тюрьме! Оказалась она дочкой одного из караульных. В другой раз я её застал за чаепитием. Она преважно сидела за столом, еле доставая до него своим подбородком и деловито грызла кусок сахара, запивая чаем. Окружающее её занимало мало. Она была не робкого десятка и не обратила на меня ни малейшего внимания, когда я потрепал её по щеке.

Мне стало грустно, как никогда. Оставшись в своей камере один, когда как-то особенно резко щёлкнул замок в двери, я вдруг понял всю глубину гнусности насильственного ареста и одиночного заключения. Пассивность первых дней начинает проходить. Вероятно, в дальнейшем станет чрезвычайно тяжело слышать этот щёлкающий за тобой замок, видеть свет в этом высоком и тусклом окошке, упирающемся в стену, оставаться среди этих глухих массивных стен, куда не проходит ни единый звук с воли.

17 декабря

Да, одиночество хорошо. Оно необходимо в иные моменты, оно пришло ко мне вовремя, чтобы пережить и передумать всё, что упало на голову за эти месяцы. Но если бы можно было видеть солнце, поля, если бы можно было уединиться не в четырёх стенах каземата под сводами тюрьмы, за запертой дверью. Насильственное одиночество может стать мучительным для всякого, а для многих оно непереносимо с самого начала.

Вчера у меня не было даже прогулки. Уж не знаю почему. Потому ли, что взамен её мне предложили идти в баню, или просто забыли. Во всяком случае, я был рад бане. Я люблю русскую баню. Она оказалась у нас как раз посреди дворика в одноэтажном доме. Гарнизонно-крепостной устав был соблюден и в предбаннике меня сторожил солдат с ружьём. Он же прервал и мои души из бадьи. Баня не плоха, но очень грязна и плохо содержится. Полы прогнили, лавки грязны и т.д.

18 декабря

Уже три недели прошло. Как незаметны они и в то же время как томительны. Безумие хозяев Смольного всё разрастается. Они думают, что нанесли смертельный удар капитализму (или говорят это, по крайней мере, дурача других), захватив банки¹⁰⁹. А в результате разрушив и частный, и государственный кредит, они лишь готовят нам полную кабалу. Германский капитал, организованный и сильный дешёвым кредитом, легко захватит без соперников все наши ресурсы. Такой ход – то же в экономической конкуренции, что на фронте – разрушение армии. Кабала, кабала иноземной и беспощадной эксплуатации – вот, что ждёт нас. Чем больше разрушается наша промышленность и наш кредит, тем более лёгкой добычей становимся мы для Германии, превращаясь в тот «навоз славянский», который нужен для культуры тощей немецкой почвы. Боже, что за безумие или предательство Смольного!..

Маленькая девчурка становится более частой посетительницей нашего коридора. Сегодня я слышал её топанье и её детский голосок за дверью. Когда мне принесли посылку от Саши, она стояла и смотрела в двери моей камеры. Я протянул ей леденцов, она взяла и повторила, что ей сказал караульный – «спасибо».

В капоре, из-под которого выбиваются льянные кудри, в шубке и маленьких ботинках, с милым личиком и серьёзными умными глазками, она стояла и смотрела на меня. Какие мысли пришли в голову этому бедному ребёнку, когда запирали двери камеры [бастиона], где она видит в коридоре десятки запертых дверей, за которыми сидят люди. Может ли она не понять, а лишь почувствовать горе и ужас прошлого и настоящего этой тюрьмы. Какие впечатления эти стены и своды, эти запертые в клетки люди заронят в её душу. Она ещё слишком мала, но я слышу сейчас в коридоре её вопросы. Она что-то спрашивает у караульного. Не могу, к сожалению, разобрать её

лепета. Что она спрашивает? Что они отвечают? Гулкое эхо свода смешивает их голоса. Я слышу потом, как она начинает бегать и играть. Но прошли ли вопросы без ответа, или подвижность ребёнка прошла мимо них? Топот ножек затихает вдали, больше ничего уже не слышно. Мёртвая тишина каземата снова вступает в свои нарушенные на минуту права. Тишина.

19 декабря

А сколько в этой тишине мучительной неизвестности. Вчера узнал от Саши, что помощник нашего коменданта Павлов¹¹⁰ подверг наказанию А.В. Карташёва¹¹¹, посадил его в карцер и был очень груб, угрожал расправой. Все министры¹¹² объявили голодовку, требуя арестованного Карташёва освободить. Никто из нас не подозревал обо всём происшедшем, иначе мы тотчас же присоединились бы все к протесту¹¹³. Негодяи! Воскрешать карцер за письмо к сестре, карцер к лишённому свободы, больному, нервному, несчастному, но твёрдому духом человеку – какая низость, какое варварство. И всё это происходило в немой тишине, где гложут все звуки, где замирают все протесты, где никто не знает, что делается с его соседом. Министры узнали о происшедшем с Карташёвым только на совместной прогулке. Мы же лишены этого и до сих пор гуляем поодиночке. Почему? Не понимаю. Да, в нашей тишине и при теперешних порядках могут происходить молчаливые трагедии, бессмысленные жестокости и издевательства. Вчера я видел во время свидания Ф.Ф. Кокошкина. Он, бедняк, побледнел, и лицо стало как будто немного одутловатым. Вот для его туберкулёза заключение [-] дрянная штука. Вообще всё же долго быть в одиночке, даже в наших удовлетворительных условиях, очень плохо для здоровья. Уже два дня как мне не спится, не хочется есть, голова тяжёлая и пустая. Надо заставлять себя работать. Но, как у Romain Roland в его «Christoff», невольно бредёт в голову соблазнительный вопрос: *A quoi bon?* Зачем? Для чего? Я понимаю, что это минутная слабость, но она хуже поднимающегося иногда протеста, бессильного, но тем более мучительного.

20 декабря

В первый раз газеты принесли хорошие известия. Панину отпустили. Правда, пришлось внести 93 тысячи и их собирать по подписке. Унизительная подачка большевистскому застенку, но она на свободе, и это меня радует. Выкуп внесён, как разбойникам при похищении дорогих людей. Да и, в сущности, большевизм вовсе не социальная революция, ибо таковая вообще невозможна, а вооружённый грабёж. Грабёж капиталистов рабочими, грабёж интеллигенции невеждами, грабёж патриотов предателями, грабёж России германскими агентами. Чем ближе подвигаются события, тем отвратительнее становятся ложь и лицемерие Смольного. Сегодня в «Известиях» невероятной наглости статья по поводу «неприемлемых» условий предложенного

германцами мира¹¹⁴. Идиоты или преступники только и могут писать такие статьи. Разрушив свою армию, уведя её на войну против своих же граждан, лицемеры кричат теперь и призывают к германским солдатам! Эти-то не будут слушать иступлённых или подкупленных приверженцев мира на внешнем фронте. Господи, какой чудовищный обман, какая гнусность!

Число заключённых увеличилось у нас, вероятно, очень значительно. Моя прогулка сегодня состоялась только в 5 часов дня. Сумерки уже были вполне. Тёмно-серое небо точно спускалось над нашим двориком, золотая игла собора виднелась в надвигающейся темноте, весёлых голубей не было давно уже, и только изредка на деревьях каркала не заснувшая ещё галка. В дворике было почти совсем темно; фигуры часовых еле были заметны у крыльца; дым из труб, спускаясь вниз, наполнял воздух буроватым, горьким туманом. Я кружился вдоль стен без мысли, машинально и тихо.

21 декабря

Кончил, наконец, 10 томов «Jean Christoff». Постараюсь ограничить мою литературную пищу. Горе других, даже вымышленное горе, терзает меня. Каждая строчка будит воспоминание о собственной потере, часто я не мог читать совсем и как ребёнок рыдал. Как это глупо, Боже мой, быть таким слабым, переживать вымысел, как собственную жизнь. Но что же делать, если не могу до сих пор овладеть собой, и малейшее прикосновение к моей утрате делает боль невыносимой. Когда Саша принесла фотографию нашей группы, снятой в апреле [1917 г.], я не мог решиться взять её с собой в камеру. Я рыдал бы над ней все дни, так тяжело видеть этот былой отзвук всей нашей семьи, теперь разбитой и пустой без неё. Я еле мог сказать Саше, чтобы она унесла фотографию. Это, очевидно, реакция наконец упавшего напряжения. Надо же [наконец] взять себя в руки снова.

Как хорошо было гулять сегодня. Было пасмурно, шёл мягкими, пушистыми хлопьями снег, и его белая пелена покрыла все дорожки и деревья во дворе. Было жаль уходить опять под своды тюрьмы.

Наша стража, видимо, частью переменялась. Много новых, совсем простецких лиц. Один из дежурных во дворе спросил меня: «А скоро замиримся? Мы вот только с позиции приехали, из-под Тарнополя. Тут у вас ничего не разберёшь!»

А сегодня отыскался земляк из села Хлевногo, Задонского уезда¹¹⁵. Он отворил дверь камеры и долго разговаривал со мной. Вся его душа там, в деревне, где у отца, несмотря на 60 лет до сих пор не просыхает спина от работы, где хлеба много, «по скольку лет в скирдах стоит» и где мечты «об уравнении» кажутся такими бессмысленными. Мой земляк, видимо, не искушённый Питером, с отвращением рассказывал о грабежах солдат, которые производят обыски, и о стремлении отнять у

людей плоды их труда. Его отношение к большевикам очень неясное. И он жаждет мира всей душой, но его идеалы противоположны смольным реформаторам. Кончил он курьёзно: «Я не знаю, кажется, здесь долго разговаривать не дозволяется?» Повернулся и запер дверь.

А вечером впервые в коридоре шла картёжная игра, судя по хлопанию карт по столу и шумному разговору.

Впрочем, часам к 10-и всё стихло по-прежнему, но ненадолго. Очевидно, ходили ужинать. А затем картёж и шум продолжались задолго после полуночи.

22 декабря

Сегодня разговорчивый дежурный караульный. Утром, войдя с лампой в камеру и поздоровавшись, он сказал: «Камера холодная, сырая. Верно дежурный был ленив, плохо топил». Затем, когда я уже умывался, он принёс кипяток, поставил его на стол и, подойдя ко мне, дружески похлопал по плечу и утешил: «Скоро освободитесь!» – Не думаю, сказал я. – «Мы ждём переворота со дня на день». И ушёл. Выговор с резким каким-то инородческим акцентом: литовец, латыш? Принеся сахар, он вновь заговорил, но уже на другую тему. В этой самой камере была Вырубова¹¹⁶, пока её [не] выпустили, а рядом – Сухомлинова¹¹⁷, а в самой последней – (72-й) Воейков¹¹⁸. «Хорошие предшественники!» – подумал я. Но ведь они просидели более 7-и месяцев. Сколько раз поднимали мы вопрос об ускорении над ними суда, или освобождении их, если нет улик¹¹⁹. Керенский, Переверзев, Зарудный¹²⁰ боялись караула, боялись Советов р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов], боялись общественного мнения и в конце концов, уже после нашего ухода¹²¹, всё-таки провели закон, которому мы всячески противились, о внесудебных арестах. И на основании этого закона держали их в тюрьме, уже не стесняясь. Упрёки «Правды», что и Временное правительство применяло насилие, конечно, верны. Паралич суда, чему виною, по-моему, А.Ф. Керенский, был одной из причин более быстрого разложения порядка, хотя бы и революционного.

Сегодня прогулка была ранняя. Солнце, наконец-то снова я вижу солнце и голубое небо. Снег и мороз окончательно закрыли мне окошко камеры. Я думал, что на дворе сумрачно и туманно, а когда вышел, я был поражён картиной нашего двора. Какая сегодня красота. Небо ясно-голубое. Солнце золотит своим блеском одну из стен, снегом покрытую крышу и верхушки деревьев. Все ветви увешаны искристыми шапками пушистого снега, стоят словно разубранные в праздничный наряд. От мороза снег хрустит под ногами и воздух чистый и густой. Хочется дышать, хочется не спускать глаз с голубого неба, где острой иглой и блеском золота сверкает шпиль колокольни. Бодрый и радостный возвратился я с прогулки. Но этим не ограничилась радость сегодняшнего дня. На свиданье вместе с Сашей пришла С.В. Панина, и что уже было

совсем праздником – это увидеть в комнате [для свиданий] Ф.Ф. Кокошкина, В.А. Степанова¹²² и их посетителей. Так весело, так шумно провели мы время, как никогда. Только здесь ценишь всю прелесть общения с людьми, которых любишь. Хотя всё это продолжается несколько минут, но эти минуты лучше многих монотонных дней.

Сегодня в коридоре гуляет опять наша маленькая гостья. Оказывается, эта девчурка – дочка нашего сегодняшнего караульного. Он по-прежнему очень любезен со мной. Сам подметал мою камеру, спросил, я ли тот Шингарёв, который был в Думе и много заступался за народ. «Мы читали ваши речи», – сказал он в заключение.

Один из провожавших меня сегодня на свидание солдат оказался знакомым Зарудина, знал Олю и Фроню¹²³, называл меня А[ндрей] И[ванович]. После двух предыдущих дней сегодня точно особый праздник. Получил письмо от П.А. Садырина¹²⁴. И он пишет, что верит в торжество русского народа, который вынес монархический деспотизм, перенесёт и деспотизм большевистский. И я верю, и все верят. А всё же, как жестоко будет разочарование, и как тяжело будет страдать народ от большевистского похмелья. Вечером, как и во весь день, было много развлечений. Пришли мыть камеру два солдата. Мы оказались выпущенными в коридор. Я беседовал с Долгоруковым. Он выглядит молодцом. Устроил у себя ванну (резиновый таз) и каждый день моется, завёл лампу и проч.

С другой стороны у меня оказался Громов. Кто такой Громов? Спросил у меня, появилось ли его письмо в печати. «Я его не видал» – ответил я. Оказывается, ему газет не дают. Всё время в коридоре была моя [знакомая] девчурка. Оказывается, её зовут Руть (Руфь?), её отец – эстонец, и ей 4 года. Когда приносили ко мне в камеру ужин, она тоже пришла, уже без своего чепчика. Славная головка с льняными волосами и тёмными глазами. Яблоко привело её в восторг. Мы сделались друзьями, и она показала мне свою игрушку: маленькую стеклянную банку. Игрушка так же бедна, как и её место прогулок – тюремный коридор. Видеть у себя в гостях такую крошку – это целое событие в нашей жизни одиночного заключения.

23 декабря

Солнце, солнце и сегодня. Верхушки деревьев и дым из труб светятся нежно-розовым блеском. Золотая игла матово посеребрёна инеем. Небо от мороза ясное и высокое. А в камере снег и морозовые узоры совсем закрыли стёкла. Темно, сумрачно. И не [по]думаешь, как хорошо наруже.

24 декабря

На дворе метель. Даже у нас, в нашем маленьком дворе, сугробы снега. И снежная пыль залепляет глаза. Моё окно тускло совсем. В камере холодно, и руки стыннут, когда читаешь или пишешь.

Принесли от Саши посылку и письмо от папы¹²⁵. Это единственная весточка из внешнего мира. Я спокоен теперь, так как Юрий приехал в Воронеж и вместе с сёстрами.

Сочельник. Как весело когда-то проводили этот день у нас, когда вечером дети собирались за ёлкой, пели, вертелись кругом. Я помню их совсем маленькими. Их надо было брать на руки, чтобы показать ёлку. Потом они выросли, и всё же их радость была так ясна и так светла...

Как глупо начальство тюрьмы. Мне Саша принесла ёлочку, но её не разрешили передать. Какая ненужная и бессмысленная дисциплина. Всё же в мешке с провизией осталась одна маленькая веточка, совсем крошечная, а потом мне передали и восковую свечку. Я разрезал её на четыре куска, устроил ёлку и зажгёг. Она горит у меня на столе своими детскими огнями... А слёзы невольно катятся по щекам. Какое ужасное слово никогда!..

Да, никогда не вернуться эти прежние дни, когда мы были все вместе. Как много отнято у детей, особенно у девочек. Как они проживут без матери, пока вырастут? Как заменить им мать? Разве это мыслимо... Огоньки моей ёлочки горят. Я думаю о тех, кого здесь нет. О тех, кто дороже всех, и о той, которую уже никогда, никогда не увижу. Всего три месяца вчера прошло со дня её смерти. Три месяца мучительной, безнадежной тоски.

25 декабря

Писать не хочется. Солнечный морозный день, совсем как святочный в Воронеже, невольно манит вон из тюрьмы. Что-то случилось с нашими кухарками. Для праздника нас оставили без горячего обеда и выдали лишь по банке консервов. Эта мелкая незаботливость (?) всё же меня огорчила не за себя только, а за всех запертых здесь в клетках. Есть мне вовсе не хочется, да и скучно есть одному, но эта не то случайность, не то намеренная небрежность администрации, так чувствительна потому, что лишённые свободы вообще чувствительны ко всякой мелочи, к тону голоса, к жесту, к малейшей небрежности их содержания. Поэтому так часты всякие истории и волнения в тюрьмах. А тут на первый день Рождества оставить фактически без обеда людей, запертых в каменных холодных стенах – злая небрежность или гадкий умысел обидеть беззащитных. У меня всё есть, я сыт, но ведь здесь у многих нет ни родных, ни знакомых в Петрограде. Каково им на первый день праздника получить кусок чёрного хлеба и ложку холодной каши. Мне было больно за других. Консервы я не люблю и спокойно отдал их назад солдату.

Вероятно, с провизией трудно. За последнюю неделю четыре раза уже у нас был пустой суп, где было немного муки, соли, иногда капусты или тоненьких ломтика 2-3 солёного огурца. Очевидно, продовольствие окончательно расстраивается. Неужели

гарнизон так может питаться? Но тогда почему же вчера вечером приходил какой-то чин спрашивать меня, не желаю ли я перейти на стол «общественной» столовой. Значит, всё же есть более хорошая пища за деньги. Я отказался. Мне ничего больше не надо. Всего, что мне приносят, мне больше чем достаточно. Мы всё время обмениваемся с Долгоруковым всякой провизией, и он так добр, что часто, идя с прогулки, подходит к моей двери и здоровается. А я всегда забываю это делать. Один раз попробовал, но солдат сказал, что это не позволено. Пусть так.

Как-то провели этот день в Воронеже мои дочурки и Юрий? Как редко вижу их я во сне. И чем больше хочется их увидеть, тем больше их образы исчезают из сновидений. Никого, кого хотелось бы видеть хотя бы во сне, не вижу я в эти дни. И напряжением воли этого не добьёшься. Сон наступает тогда, когда воля спит.

26 декабря

Как это смешно. Нам выдали «праздничную» колбасу, больше, чем по фунту¹²⁶ на человека. Всё же хотят этим «подкрасить» наше житие. Солдат производил эту операцию с довольным видом. Однако горячего нам всё же не дали. Около 2-х час. принесли только одну ложку холодной гречневой каши. Причины кухонной «забастовки» мне остаются неизвестными. Колбаса точно нафарширована солью. Сегодня не только без обеда, но и без прогулки. Это последнее много чувствительнее. В камере очень надоедают мне сердцебиения. Прежде они были так редки, теперь, видимо, процесс склероза за последние два месяца очень подвинулся вперёд. Это так понятно. Первые седые волосы появились у меня после смерти Оги¹²⁷, теперь очередь за сердцем. Бог с ним. Я ничего не имел бы против прекращения его неутомимой работы. Я никогда не боялся смерти. Два раза она заглянула мне в глаза, и я оставался спокойным. Последний раз это было, когда меня душил дифтерит в 1895 г.¹²⁸, но тогда мне почти нечего было терять... А теперь... Я спокойно кончил бы своё земное бытие, но дети!.. Я не знаю, что я им даю и дам, но всё же хочется верить, что со мной им будет легче прожить юные годы. Да, пока Алёнушке будет 20 лет, вот этот срок (9-10 лет) я хотел бы иметь перед собой. Больше мне, лично мне, ничего не надо.

Даст ли мне этот срок судьба и склероз?

Шура пришла на свидание. Пришёл и Николай¹²⁹. Он пока не ропщет на судьбу; кажется, доволен. Но вот беда: письма из Воронежа не приходят совсем. Юрий ехал два дня, не выходя из вагона, не евши и не пивши. В. Кривцов из Воронежа пробыл четыре дня сюда и измучился. Теперь я за Юрия спокоен, но беспокоюсь о Володе. Его выбрали [офицером] в батарею, как рассказывал Брянчанинов Саше. Выбрали очень немногих офицеров, и всего трое остались на фронте у них. Все остальные уехали. Брянчанинов, как «солдат» старого года, уволен в отставку. Бедный Волька. С такой «привилегией» среди солдат остаться почти одному нелегко. Как

тоскливо и одиноко ему теперь там. Шура надеется как-то его выцарапать сюда. Если бы это удалось. Я не могу быть теперь спокойным за него, пока он не уедет оттуда. Саша всё же хочет добиваться перевода меня в больницу. Зачем? Об этом говорил мне вечером и И.И. Манухин¹³⁰, зайдя ко мне в камеру. Говорит, что я выгляжу плохо.

Всё же «Красный Крест» не оставил меня и других заключённых своей заботой. К вечеру нам дали горячий суп. Но, говорят, что и наша караульная команда без горячего обеда. Это уже совсем плохо. Я сказал об этом Манухину. Их [Красного Креста] столовая еле справилась с пищей для заключённых. Но почему нет обеда? Празднуют повара? Странно. Нет провизии? Но тогда, как же достаёт её «Красный Крест» – непонятно.

27 декабря

Сегодня, как и вчера, предложили прогулку, когда ещё было темно... Не пошёл. Просижу и сегодня без воздуха. Очередь Долгорукова пришлась перед обедом. Это самое лучшее время. Он выглядит молодцом. Я его видел вчера – у нас одновременно было свидание. К нему приходила Юрьева. Я получил письмо от Николая Ивановича А[строва]. Он, как всегда, деликатен и мягок. Пишет, что наши¹³¹ стесняются что-либо решительное предпринимать, боясь нам повредить. Это напрасно. Нам повредить нельзя. Пока большевики у власти, мы будем сидеть; когда их прогонят, мы будем свободны. Но впрочем, что могут наши теперь сделать решительного? Ничего. Ещё один «решительный протест», которыми полны газеты. Большевики, как немцы, понимают лишь один аргумент – силу. Пока её нет, разговаривать с ними бесполезно. Взывать к обществу, к гражданам – да это можно. Я это делал всё время, пока был на свободе, но как мало это значит в ходе событий. Карташёв в своём письме правильно заговорил об основной мысли «Войны и мира» – ничтожности результатов усилий отдельных, даже гениальных, людей. Я уже во многих подмечал то же наблюдение, и сам его как-то написал в «Русских Ведомостях». Да, иная Воля движет этими массами людей и иной Разум, но мы не знаем их и не видим их намерений.

Как удивительно. Вчера я так беспокоился о Володе, а сегодня меня вызвал [для конвоирования] на свидание матрос и, идя по коридору, сказал: «Просили вам передать, чтобы вы не волновались, когда увидите вашего сына с фронта...». Когда вчера я писал эти строки о Володе, он уже был здесь, проехал двое суток почти без еды, при 23° морозе в вагонах с выбитыми стёклами, в лёгкой шинели. Получив отпуск на пять недель, он прямо приехал сюда, чтобы видеть меня. Славный мальчик! Он остался один адъютантом в дивизионе, один, выбранный солдатами, и храбро жил в одиночестве среди разложившегося фронта. Что за ужасы происходят там. Грабежи, убийства, гибнущие лошади, расхищаемое на сотни тысяч имущество, безначалие, торговля с немцами за водку. Что пришлось ему пережить, перестрадать, видя

разбитыми свои первые юные мечты о борьбе с врагом родины. И всё же он верит. И всё же он только крепче берёт себя в руки. – Пока я спокоен и за него и за остальных. Надолго ли? Что мы знаем, если вчера я волновался, а он сидел у Шуры?

28 декабря

Опять утром прогулка. На этот раз должен был идти, чтобы не сидеть опять целый день без воздуха.

Административная машина управления, видимо, в чём-то испортилась в нашем бастионе. Сегодня опять не было обеда, и только в 4 часа принесли из «Народного Дома» хороший суп, солянку из капусты и картофельный пирог. Ого! Такого обеда ещё не было у нас. Это всё «Красный Крест» старается. Но что случилось с нашим крепостным продовольствием? Не понимаю. Как питается гарнизон? Что-то неприятное скрывается за этой праздничной «забастовкой» кухни.

Принесли в первый раз газеты после трёхдневного промежутка. Вновь появились сообщения об обсуждении вопроса о создании «революционной» армии, о всеобщей мобилизации для борьбы с германскими империалистами.

Вот уже подлинно и глупость, и измена¹³²: сначала развалить армию, разрушить её, лишить командного состава, натравить друг на друга, заставить брататься с немцами, остановить производство всей военной промышленности, докончить разрушение транспорта и затеять гражданскую войну внутри государства, проклинать «оборонцев» в течение 10-и месяцев и затем вдруг открыть, что надо бороться с наглостью германского империализма и вновь мобилизовать «революционную» армию, – что это такое?

Можно в бешенство придти от этой сверхъестественной лжи или бездны непонимания. Я бегал из угла в угол по камере долго, долго, прежде чем начал опять читать газеты.

Тяжело сидеть теперь здесь бессильным читателем газетных новостей.

29 декабря

Опять утром звали на прогулку. Полный беспорядок в очередях. Я не пошёл и тщетно, кажется, пытался объяснить солдатам нелепость такого «порядка». Они подряд предлагают утром прогулку целому нашему коридору, почти все отказываются и остаются без прогулки. Между тем должен терять прогулку только тот, чья очередь идти рано утром. А другие должны идти в их очередь, а не быть все лишены прогулки. Потерять один день в неделю не беда. Но терять их каждый день подряд нелепо. Меня понять или не могли или не хотели. Что им до нашей прогулки: лишние четверть часа зябнуть у дверей, пока мы бегаем кругом стены внутреннего двора. Наши и их интересы различны. А теперь ведь время интересов и торжество классово-политической политики.

Увидим, что будет дальше. Но я уже чувствую начинающуюся оппозицию к установившемуся порядку. И всё это началось с первого дня святок. Конечно, на то и тюрьма, чтобы люди ценили свободу; но ведь и они, творящие теперь власть, вырвались на свободу из тюрьмы и вместо почтения перед свободой дали волю своей мести и заполнили тюрьмы своими политическими противниками.

Так идёт человеческая сказка: был двор, на дворе кол, на колу мочало... начинай с начала.

Утренние беспорядки в течение дня уладились. На прогулку пустили в 11 часов, обед принесли вовремя. Володя принёс письма от девочек от 20-го, а вечером из Народного Дома принесли на ужин суп и даже второе блюдо. Словом, вечер вышел мудрёнее утра.

На дворе здоровый холодище. Голуби подмёрзли, и два из них солдатами взяты в коридор отогреться. В камерах прохладно, руки мёрзнут писать и долго читать (держат книгу). Хорошо согреться горячим чаем, но хорошо всё же было и погулять на воздухе, хотя было не менее 23° мороза. Окна у меня стали плакать, на них даже изнутри уже намерзает вода и при топке печи течёт по стене. Говорят, что в городе «на вольных» квартирах и того ещё хуже. Очень холодно, и дров нет.

Что-то будет дальше?

30 декабря

Утром опять требуют идти на прогулку. Вот путаница. Сегодня, кажется, так и останусь без воздуха. К тому же сегодня баня. Удовольствие редкое и неравноценное, но всё же удовольствие.

И.И. Манухин зашёл ко мне с какой-то дамой и, между прочим, сообщил, что меня переведут в больницу¹³³. Мне будет грустно менять свою камеру на новую. Мне будет грустно оставлять Долгорукова здесь одного. Мне грустно выходить отсюда не на свободу, а лишь в новое место заключения. Но все на этом настаивают, все, и особенно Саша; думают, что так будет лучше. Пускай. Несвободный, я стал пассивным.

Во время свидания Вера Давидовна рассказывала о том, что творится в городе, в банках, в семьях. Безумная дороговизна (картофель – 1 р. фунт, мука пшеничная – 3 р. 80 коп. фунт, плитка шоколада – 10 р. и т.д.). Денег нет у пенсионеров, чиновников, домовладельцев, рантье, интеллигентных тружеников. Проценты не платят, вещей в залог не принимают и т.д. Жизнь разрушается с чудовищной быстротой, – жизнь организованная и культурная. На смену идёт хаос. Что в нём погибнет, что из него выйдет? Кто угадает это теперь? Д. Протопопов¹³⁴ в «Русских Ведомостях» мечтает о национальном движении великороссов, Б. Савинков¹³⁵ – о государственности, идущей с Дона. Никто, как следует, ничего не понимает, и все лишь с ужасом и изумлением

следят за разрухой, принявшей гомерические, фантастические, нигде не виданные, не бывавшие в истории размеры.

31 декабря

Последний день старого года и *какого года!* Я помню, что в прошлом году для наступающего нового года я высказал в статье пожелание, чтобы в 1917 г. получили, наконец, осуществление те стремления 17 октября 1905 года, которые остались невоплощёнными в жизнь. Как далеко современная действительность опередила эти пожелания, и в то же время как она их разбила, как тирания кучки заменила тиранию старого содержания. Но эта новая тирания, не признанная массой населения, не только его угнетает, но и разрушает страну, разбивает наши самые лучшие надежды на демократию... Этот же год разбил и мою личную жизнь. Страна, я верю, вырвется из нового гнёта и неминуемого чужеземного ига. Мне никогда не склеить разбитого навеки и отнятого полного уюта семьи с Фроней. Вот личный итог. И если так много надежды у меня на предстоящий год для России, для себя прошлого ничем не возместишь. Боль то утихает, то обостряется. Пройти она не может. Итоги прошлого подведены сурово и внезапно. Будущее может добавить много горя, если история этого года повторится и в наступающем. Для страны и для себя лично я желал бы одного и того же в наступающем году: полной возможности мирной и спокойной созидательной работы. Для страны, чтобы залечить нанесённые войной и революцией раны. Для себя я излечения не жду, но жить без свободной работы – это медленно умирать. Жизнь, сведённая к житию, – ужасна.

Как хотелось бы повидать детей, хотя [бы] немного отдохнуть среди них и приняться за работу, не расставаясь с ними. Как жаль даже эти немногие дни сидеть бессмысленно и бесплодно здесь, в глухих стенах. Я не знаю, скоро ли кончится это глумление над свободой, эта жестокая и нелепая, по существу бесцельная борьба с мифическими контрреволюционерами, но я знаю хорошо: она не вызывает во мне личной злобы, но надолго оставит жгучую горечь и боль за поругание идейных основ свободного государства. Как много было прекрасных надежд в прошлые годы, которые так жестоко разбивались действительностью. Теперь надежд немного, и они очень скромны. Но оправдает ли и их действительность наступающего года. События, повторяющиеся в столетия раз, необъятные по своим последствиям и невиданные в Истории по своим размерам, в России пришлось на долю поколения без больших, гениальных людей. «Народная» война, народная революция без героев, с одной толпой, без плана и системы, с одними рефлексамми, как всегда в толпе, – вот что заполняет перед глазами современников весь горизонт. Нам не видно просвета, и никто не ведёт по дороге, да и некому вести. Больше, чем когда-либо, мы имеем дело с историей масс, и нет истории лиц. Меньше, чем когда-либо, можно предвидеть ближайшее будущее...

А как одиноко и грустно так встречать Новый год. Долгоруков обещал мне постучать в 12 часов в стену. Это единственное общение, нам доступное в канун наступающего года.

1918 г. 1 января

Новый год. Но первый день прошёл для нас хмуро. Если бы не два письма, – одно, как всегда трогательное своей заботливостью быть поданным в срок, – от А.М. Петрункевич, Паниной и прочей компании на Сергиевской¹³⁶, а другое от неизвестной, именующей меня «учителем» (?), весь день был бы отмечен обыденностью и скукой. Гулять мне пришлось очень поздно, когда уже стемнело. В камере было холоднее, чем когда-либо, и стена у окна покрылась потоками воды. Ноги мёрзли и руки стыли за письмом. Картины французской революции эпохи 1791–93 гг. вызывали тоску и так характерно определялись словами г-жи Ролан на эшафоте: «О свобода, сколько преступлений совершено во имя твоё!»¹³⁷ и даже по-итальянски я переводил (такой уж черёд подошёл) строфы из Дантовского «Ада». Надеюсь, на нашем бастионе не стоят его трагические слова «Lasciate ogni speranza voi ch'entrate»¹³⁸. Но всё вместе взятое наводило на грустные думы. Ещё ночью, после дружеского поздравления Долгорукова, я был разбужен шумом и криками в коридоре. Кого-то опять привели. Но уж я никак не ожидал того, о чём я узнал днём: солдат сказал, что арестовали всё румынское посольство. Это что-то невероятное. Это уже не сумасшествие междоусобной войны, а дикая выходка, могущая быть внушённой *только* германцами. Только Германии выгодно восстановить против России и её безумств всех наших союзников и создать нам наибольшее число ярых врагов. Тогда Германия одна станет нас эксплуатировать и угнетать. Какое это чудовищное, невероятное происшествие. В том, что у нас действительно появились арестованные румыны, я убедился сам. Около 2 часов дня в коридоре раздался крик. С неправильным акцентом кто-то кричал: «Я – румынский офицер, вы не можете меня...». Дальше я разобрать ничего не мог. Но неужели арестовано посольство и посол? Солдат определённо утверждает, что это так, добавляя: «Что только творится. Что только творится у нас!..»¹³⁹

2 января

День неожиданных сюрпризов и неудач. На прогулку вызвали рано. Я ещё с утра заметил в своём окошке блеск света. Значит солнце. Я, радостный, вышел. Да, в коридоре было солнце, но было и другое: дверь к Долгорукову была отперта, и он тоже одевался, а дальше мы встретили Кokoшкина, Авксентьева и Степанова¹⁴⁰. Ура! Наконец-то совместная прогулка. Нет больше одиночного блуждания вдоль стен и созерцания золотого шпица собора. Минуты пробежали незаметно. Я впервые узнал от Степанова, что и он попал сюда из-за несчастной ошибки. Вместо бумаг мне должны

были принести пирог, который хотел мне передать Молчанов. Попали бумаги, дальше обыск в моей камере, дальше переполох наших девиц, их поездки в Смольный, их полный рассказ там. Дальше обыск у Молчанова, в то время как там ночевал Степанов, и его арест. Вот путаница приключений, достойная Дюма и Конан-Дойля. Даже поверить трудно, что могут быть такие сплетения обстоятельств.

По поводу истории с арестом румынского посольства Кокошкин не верит. Быть может, арестован только какой-либо офицер, работающий с Радой¹⁴¹? Однако рассказ об аресте посольства вновь мне подтвердил солдат-парикмахер, который меня сегодня стриг. Он добавил и ещё одну новость. На Ленина было покушение¹⁴². Да, это понятно. Они могут вызвать злобы не меньше деятелей царизма. А исполнители-фанатики всегда найдутся. Ужасно, как всё те же средства являются в руках людей в борьбе со своими врагами. Никаких подробностей я ещё не знаю. Солдат, видимо, либо сам не знает, либо боялся сказать. Завтра будут газеты. Печальной новостью было лишение свидания. Я так ждал Сашу и Володю. Оказывается, у нас был пожар на складе патронов, и свидания отменены. В крепость никого не пускали. Вечером говорили, что пожар потушен.

3 января

Сегодня снова без свиданий. Объяснения «пожаром» – выдумка. Просто-напросто наш начальник Павлов мстит за покушение на Ленина представителям буржуазии. Какая эта гнусность [–] издеваться над заключёнными таким образом. Так досадно ни вчера, ни сегодня не повидать Сашу и Володю и теперь ждать до пятницы, если «товарищ» Павлов надумает разрешить свидание. А по-видимому всё покушение на Ленина подстроено, так же, как подстроена вся история с румынским посольством. Мои догадки о руке Германии в этой проделке подтверждаются: судя по газетам, ареста потребовал Троцкий из Бреста!

Доколе, о Господи! Сегодня на прогулке мы беседовали о предстоящем 5-го открытии Учр[едительного] собрания. Никто не верит в эту возможность, хотя солдаты (семёновцы, преображенцы и др.) уже открыто высказываются против большевиков и за Учредительное собрание. Может быть и схватка. Но организации нет, и потому всё это может потерпеть крах и снова укрепить положение Смольного, укрепить не в идейном, конечно, смысле, а вооружённой силой...

Хорошо, что Шуре удалось передать мне письма девочек. Они так трогательно милы, эти письма, так занимательны, что доставляют огромное удовольствие. Туся пишет, как говорит, живо и неровно. Рита сантиментальничает и очень любит массу восклицательных знаков, хорошо описывает и изображает сценки. Алёнушка пишет так серьёзно и обстоятельно, что никогда не подумаешь, что ей 11 лет. Точно, ясно и просто она рассказывает все свои детские забавы и занятия других, как взрослая и с

трогательной деликатностью и наивностью ребёнка. Сегодня её два письма так хороши... С их письмами ко мне в камеру долетают их смех, веселье и незатейливая, простая жизнь у бабушки. Но как одним словом Алёнушка отделила и их грусть. Они зажгли свою маленькую ёлочку и «не плясали вокруг, а молча смотрели на неё и, потушив свечи, разошлись»... Да, так и я смотрел, молча и долго смотрел на свою ёлочку, вспоминая прошлые счастливые дни. Бедные дети, сколько недетских мыслей и недетского горя приходится им выносить за последние месяцы.

А сколько теперь таких детей в России? А сколько ещё более одиноких, более несчастных и беспомощных, чем они, мои девчурки...

Холодно в моей камере. Так холодно, что трудно писать. Стынут руки, пар спускается от дыхания, с окна текут сырые потоки по стене, и даже на полу от них образуется лужица. Эти последние ночи никак не мог согреться даже под двумя одеялами и сверху накинутым пальто. Если долго сидишь, то застывают и руки, и ноги, приходится бросать книгу и усиленно маршировать из угла в угол. Утром вставать – это целое испытание. Не скоро потом согреешься. Не то топить стали хуже, не то зима всё больше и больше даёт себя знать.

4 января

В газете «Правда» по поводу покушения на «Ленина» напечатана кровожадная статья. Требуют «сто голов» за каждую голову «народных вождей». Как мне кажется теперь и как казалось всегда, террор личный никогда ничего не достигает. Если это действительное покушение, то можно ли убийством Ленина или Троцкого убить большевизм? Конечно, нет. Кроме того, само по себе это возмутительное и безнравственное средство не может быть морально оправдано, оно [и] практически нецелесообразно. Оно лишь подхлестнёт упадающее настроение масс. Поэтому приходится подозревать, не подстроено ли это «покушение» нарочно, с целью именно подогреть симпатии. Возможны и такие комбинации. Говорят, что среди нашего гарнизона будто бы было решено в случае несчастья со Смольным расправиться с нами¹⁴³. Не знаю, верно ли это. Что касается наших сторожей, то у них, по-моему, скорее обратное настроение. Но, быть может, в крепости есть и иные части.

Наш бастион переполнен. П. Сорокин и Аргунов¹⁴⁴ посажены уже вдвоём, а в камере одна кровать. Сегодня, идя на прогулку, мы сквозь щель двери приветствовали их¹⁴⁵. Теперь уже шесть членов Учредительного собрания сидят в Петропавловской крепости, а на завтра назначено его открытие! Говорят, семёновцы и преображенцы хотят защищать его от красногвардейцев. Как бы не вышло бесполезного кровопролития.

После прогулки я не сразу мог согреться в моей камере. Часов около 4 пришла комиссия для освидетельствования моего здоровья – несколько врачей. Ещё утром мне

сказал сторож, что меня переведут в больницу. Врачи говорят то же. Не знаю, лучше это или хуже. Переведут, говорят, и Кокошкина. Но как же с Долгоруковым? Мне всё-таки, несмотря на нездоровье, тяжело его оставлять здесь. В «Новой Жизни» напечатано, что будто бы даже освободить нас хотят. Конечно, это пустяки. Но без Долгорукова я решил не выходить из заключения, если бы такое постановление было сделано.

5 января

Сегодня, когда на свидание пришла В[ера] Д[авидовна], и мы разговаривали, один солдат вошёл и, возмущённый, сказал: «Сейчас на демонстрации убили солдат. Шли в первом ряду и все полегли»... Он был возмущён. Это он, между прочим, подписал протест от нашей караульной команды против предполагаемых над нами самосудов. Лицо у него умное, доброе.

Наконец-то я увидел опять Сашу и Володю. Она бедняга вчера до 12 час. ночи сидела в Смольном, пытаясь меня перевести в больницу, но ничего не могла сделать. Там боятся, что нас из больницы легче освободить, как членов Учредительного собрания. Говорят, переведут дня через два. Но сегодня, воображаю, что творилось на улицах¹⁴⁶. Наша команда, видимо, очень возмущена. Когда я шёл гулять, сзади меня в коридоре солдат сказал: «Честных людей здесь держат, а негодяи...» Дальше я не слышал. Гуляли мы сегодня вместе, все члены Учредительного собрания, т.е. прибавились к нам Сорокин и Аргунов.

Последующие события излагаются сестрой Андрея Ивановича – Александрой Ивановной Шингарёвой:

5-е января было в пятницу – день свиданий, и я поспешила с Володей в крепость; я уже не видела Андрея больше недели, с 27 декабря.

Обычное ожидание в бастиионе. Наступает наша очередь – свидание в кабинете; кроме нас ещё несколько человек сидят там. Как всегда нетерпеливо смотрю на дверь, и вот появляется его милое, оживлённое сегодня, лицо с блестящими глазами; торопливыми шагами входит он, и мы крепко целуем друг друга, любовно он смотрит на Володю, и мы усаживаемся; и, как всегда, торопясь, отрывисто, стараюсь рассказать как можно больше, мы разговариваем. Он рассказывает о том, как прошли эти дни, как для них непонятно было, почему их лишили свидания, им объяснили это пожаром в крепости, а потом уже узнали истинную причину. Говорит, что волновался за нас; а мы с Володей передали ему наши волнения, тревогу за них всех. Рассказываю ему о своих мытарствах, о том, что перевод окончательно решён, и он скоро уйдёт из

этих стен. Андрей также говорит о вчерашней комиссии, о том, что ему команда передавала также, что его переведут, и вновь выражает сомнение, стоит ли это делать, можно ли доверять красногвардейцам, не будут ли они очень стеснять его в больнице, спрашивает, где они будут помещаться, не в палате ли вместе с ним. Говорит и о том, что привык к бастиону и команде, среди которой есть славные люди и даже некоторые из них ему говорили: «Мы слышали, что вы переводитесь в больницу. Зачем вы это делаете, ведь у нас здесь хорошо, а там будут красногвардейцы». Я его успокаиваю относительно больницы и говорю, что там, конечно, ему будет лучше. Говорим затем о сегодняшних событиях, расстреле демонстрации, и в его словах звучит боль и мука за всё, что происходит, особенно чувствительно для него, что в день открытия Учредительного Собрания он должен оставаться в крепости. Во время нашего разговора входят ещё двое заключённых, оба здороваются с Андреем. Один Н.Д. Авксентьев, другой – я сразу его не узнаю, – подходит к А[ндрею] И[вановичу] и говорит: «Здравствуйте Андрей Иванович... Как Вы себя чувствуете? Я слышал, что Вы нездоровы. Не надо ли Вам свечей? У меня их много, я Вам могу прислать». – «Здравствуйте, благодарю Вас, мне ничего не надо», отвечает Андрей. – «Кто это?» – спрашиваю я с недоумением. «Это – Пуришкевич, его нельзя узнать, он весь бритый, и я сам его сначала не узнал». Невольно говорили о его [Пуришкевича] процессе и приговоре¹⁴⁷. Говорили о его собственном [Шингарёва] будущем процессе, о том, что Штейнберг¹⁴⁸, просматривая дела их, не нашёл никакого материала для обвинения, и возможно, что их освободят без всякого процесса. Время летит незаметно, и скоро нам объявляют, что свидание кончено.

Несколько прощальных слов, поцелуй, и он уходит в сопровождении солдата.

Какое странное это последнее свидание в крепости – в одной комнате – Авксентьев, Пуришкевич и Шингарёв. Только самые невероятные обстоятельства могли заставить их троих встретиться в Петропавловской крепости.

6-го утром звоню Штейнбергу – он назначает мне приехать в Комиссариат Юстиции к 11 часам. Еду и там встречаюсь с М.Ф. Кокоскиной. Она уже ждёт также. Приходит Штейнберг, и мы получаем разрешение [на перевод заключённых в больницу]. Теперь надо получить подпись Козловского, так как из крепости выпускают лишь по ордерам следственной комиссии, и всё будет сделано. Едем с вызванным нами Н.Д. Соколовым в следственную комиссию¹⁴⁹. Соколов уходит к Козловскому, довольно долго у него остаётся и, наконец, возвращается – ордер подписан. Сделал это Козловский, по его словам, очень неохотно, и ядовито при этом заметил: «Удивительно, все министры сразу вдруг заболели. Ну, я ещё понимаю – Кокоскин, – он действительно больной человек, но Шингарёв – совсем здоров».

Мы отправились в крепость все вместе; у комиссара [Петропавловской крепости] нам не захотели дать пропуска в бастион, так как уже было около 3½ часов [дня].

Комиссар грубо говорил, что время свиданий кончено, что и переводить сейчас поздно, да и нам нечего делать в бастионе. Наконец мы увидели заведующего бастионом Куделько, и он сказал, что всё сделает. Теперь надо было нам достать извозчика и, кроме того, вызвать наряд красногвардейцев. М.Ф. [Кокошкина] поехала с бумагой в комиссариат [Первого городского (Литейного) района], а я вместе с Соколовым и Аксельрод¹⁵⁰ пошла в сопровождении Куделько в бастион. За эти дни ни разу не встречался мне Павлов¹⁵¹; и вдруг где-то промелькнуло его лицо; сердце как-то сжалось.

В бастионе мы прошли в канцелярию при слабом свете керосиновой лампочки. Куделько послал сказать заключённым, чтобы они собирали свои вещи; а мы ждали с трепетом их появления. Первым пришёл С.А. Смирнов¹⁵² – вещи у него были уже сложены. Затем появился Ф.Ф. Кокошкин. Я бросилась к нему навстречу – он уже в пальто, в шапке, сказала ему, что М.Ф. поехала в комиссариат, и нам придётся ждать прибытия наряда красногвардейцев. Ф.Ф., радостно взволнованный, сказал, что он уже думал, что сегодня их не переведут, и он очень рад, что перевод состоялся. – «Я чувствую, мне пора в больницу; вначале было ничего, а сейчас я совсем расклеился и с кишечником плохо и по вечерам температура повышена, в общем чувствую себя скверно». Скоро пришёл Карташёв. Бледный, с землистым цветом лица, худой. Мы всех встречали с каким-то особенным чувством, передать которое трудно. А Андрея все не было. – «Почему он так долго, предупредили ли его?» – «Вероятно, вещи складывает. Сейчас я пошлю снова за ним», – отвечает Куделько.

Наконец, дверь открывается, и входит Андрей в сопровождении солдата с вещами; он в пальто, тяжело дышит, спешил, волновался, быстро прошёл коридор – и у него одышка. Лицо взволнованное, смущённое. Крепко обнимаемся – он точно не верит, что через несколько минут мы уйдём отсюда. Дружески, горячо здоровается с остальными; формальности ещё не закончены. Андрей с Карташёвым и Кокошкиным оживлённо разговаривают. Я не помню всей их беседы – они быстро перешли к злобе дня – Учредительному собранию; я же говорила в это время с [караульной] командой.

Наконец, можно уходить. Сперва двигаются в путь Смирнов и Карташёв в лечебницу Герзони – их сопровождает солдат из крепости и там сдаст караулу; а мы ещё ждём прихода красной гвардии, которая нас доставит в больницу. Уже около 6 час. вечера. Мы, забрав вещи, простившись с караульной командой, выходим из бастиона; электричество не горит, и мы при свете маленькой лампы спускаемся по лестнице. На дворе метель, вьюга, сугробы снега. Андрей тащит что-то из своих вещей, и я чувствую, как ему тяжело идти. Кроме того, он в валенках, а они у него худые, и я беспокоюсь, что он промочит себе ноги. У комиссариата останавливаемся, при слабом свете ручного фонаря укладываем вещи на извозчиков и ожидаем красногвардейцев, чтобы решить, как нам сесть. Из комиссариата выходят, наконец,

они, и чей-то грубый голос говорит: «Ну, что же мы пешком пойдём, что ли? Или в трамвае? Так и они с нами тоже!» – «Успокойтесь, для всех хватит места на извозчиках», говорю им я. – «Сюда, сюда садитесь, вместе с заключёнными», – грубо кто-то командует.

Красногвардейцев пять человек – один из них в солдатской форме; один молодой, лет 18-19, что-то в роде старшего, все вооружены. У нас пять извозчиков, и мы рассаживаемся на них – Андрей Иванович и Фёдор Фёдорович на двух извозчиках в сопровождении красногвардейцев; на третьем извозчике – два красногвардейца; на четвёртом – Соколов, на пятом – М.Ф., я и ещё один красногвардеец – их старший. Соколов едет прямо домой, не заезжая в больницу, мы едем впереди нашего отряда, затем А.И. и Ф.Ф., а замыкают наш поезд два красногвардейца. Пронизывающий ветер и снег, особенно через мост. Мы показываем дорогу и, наконец, мы в больнице. Входим все толпой в небольшую прихожую; я прошу швейцара позвать надзирательницу, и мы все стоим некоторое время внизу. У А.И. и Ф.Ф. вид немного оглушённый и от сутолоки переезда, и от новой незнакомой обстановки – присутствия красной гвардии. Приходит надзирательница, и мы поднимаемся наверх в 3-й этаж, показываем комнаты. А.И. направляется в № 24. Ф.Ф. – в № 27. У Андрея снова одышка, он совсем запыхался, войдя на лестницу, смущённо, растерянно оглядывается кругом. Усаживаю его на стул, помогаю раздеться, а главное – снять валенки, дырявые, и надеть сухие туфли; с трудом переводя дыхание, наклоняется Андрей, снимая валенки, и я с острой болью вижу, как ему это тяжело и как, наверное, подвинулся вперёд за эти полтора месяца его сердечный процесс. Красная гвардия толпится в коридоре и также не знает, что делать; при ярком свете видно, что они вооружены с головы до ног; винтовки, патроны, револьверы, ручные гранаты – вижу это мельком. Старший беспокоится, кому передать заключённых; посылаю его с сиделкой к дежурному врачу; тот приходит, все формальности закончены, и я уже больше не обращаю на них внимания.

Андрей, сняв верхнее платье, валенки, в мягких туфлях сидит и с более спокойным выражением осматривается кругом – в комнате тепло, уютно, и он, прежде всего, говорит: «Ах, как здесь тепло, хорошо, наконец-то я согреюсь. Там было так невыносимо холодно; я никогда не мог согреться». Мы долго смотрели друг на друга, и не верилось как-то, что это уже не бастион, не Петропавловская крепость, а тихая палата Мариинской больницы¹⁵³. – «Тебе нравится здесь? Ведь обстановка очень простая; может быть, у Герзони было [бы] лучше?» – «О, после крепости здесь так хорошо, тепло, разве можно сравнивать; а относительно Герзони я не жалею, я ведь не люблю частных лечебниц, их роскоши, здесь я чувствую себя хорошо». И мы начинаем говорить о крепости, и здесь впервые я слышу от него жуткий рассказ о том, как он страдал там и физически, и нравственно; на свиданиях он старался быть бодрим, там

его постоянно смущало присутствие караульных, времени было мало, и он неизменно отвечал, что чувствует себя хорошо. И только теперь тихим голосом, как бы стыдясь своей слабости, он рассказал, как он рыдал целыми днями, не в силах удержаться от слёз, как в одиночестве он пережил вновь своё последнее горе – утрату жены, как он грустил о детях; рассказал, как в камере было холодно, и он не согревался ни днём, ни ночью. Он лежал, накрывшись двумя одеялами, пальто и всё же не мог спать от холода, пронизывавшего его насквозь. А днём даже ходьба по камере мало согревала, и движение холодного воздуха при ходьбе было очень неприятно; было только одно место в углу у стены, куда выходила, по-видимому, печка, где было чуть теплее, и он становился в этот угол и там, как он выразился, «устраивал бег на месте», чтобы хоть немного согреться. И ко всему этому он показал мне свои руки, все пальцы были озноблены, покрыты красными припухлостями. И слёзы навёртывались невольно на глаза, слушая всё это.

К нам зашла надзирательница. А[ндрей] И[ванович] оживлённо с ней заговорил и снова повторил несколько раз, что здесь он, наконец, согрелся; рассказал, что в камере были клопы, и удивлялся, как они могли там жить. Я предложила Андрею разобрать вещи и выпить чаю; сиделка дала нам кипяток; Андрей сам достал свои съестные припасы, и я с удивлением увидела, что он почти ничего не скушал из того, что я ему приносила. «Скучно есть одному, мне совсем не хотелось», и стал сам хлопотать у стола, заварил чай, достал сыр, масло, икру, хлеб, конфекты, всё разложил на столе. «Ну, вот сегодня в первый раз я снова буду есть по-человечески; ведь там у меня не было ни вилки, ни ножа; сегодня я тебя буду угощать, и сам с тобой выпью с удовольствием чаю; ведь в это время там, в крепости, я бы не стал ничего есть; там в 5 часов приносят кипяток, запирают дверь, и жизнь совершенно замирает до утра».

И он заботливо наливал мне чай и делал бутерброды с сыром, беспокоясь за меня, что я с утра ничего не ела. «Знаешь, надо отнести Ф[ёдору] Ф[ёдоровичу] бутерброд с икрой», – сказал Андрей, и я с бутербродом направилась к Кокошкину. Мы мирно беседовали теперь с Андреем, он стал говорить о детях, главным образом о Володе, о том, что он будет делать, когда кончится война, будет ли продолжать заниматься в Политехникуме¹⁵⁴, или, может быть, поступит в [Петроградский] университет на естественный факультет; последнее для него было бы очень приятно и желательно.

Нашу беседу прервал вошедший красногвардеец-солдат, который спросил меня – долго ли я здесь останусь, и когда я ему ответила, что скоро уйду, допью только чай, то он ещё добавил: «Да вот с вас надо ещё деньги получить за извозчика, я ездил за сменой на извозчике туда и обратно по 10 рублей». – «Хорошо, я вам сейчас отдам деньги», – сказала я. У Андрея сразу померкло лицо, при виде этого солдата, и особенно его неприятно поразили слова о деньгах; ему раньше говорили, что их можно купить и продать за деньги, но он не хотел верить, а здесь сам красногвардеец приходит и под

первым попавшимся предлогом просит денег. Я вышла в коридор (Мар[ия] Фил[ипповна] ушла ещё раньше, чтобы у красногвардейцев не было оснований, как она сказала, упрекать нас в нарушении правил), там стояла группа их, дожидаясь меня; я дала солдату 20 рублей, и в этот момент один из них сказал: «Ну, вот давно бы так!» Я как-то невольно запомнила эти слова. Затем я спросила, как будет со свиданиями завтра. Он спросил, есть ли у меня пропуск. «Да, у меня постоянный». – «Ну, завтра условимся, придёте к часу, к двум, а теперь до свидания, мы уходим, а вот остаются двое». И он показал на двоих красногвардейцев, совсем юных – лет 16-18, которые направились по коридору к лестнице и сели на диван. – «Вы винтовки-то куда-нибудь в уголок поставьте, чтобы они не мешали», сказал он мальчикам. Я тоже подтвердила это, добавив, что уж очень они могут больных испугать, особенно одну старушку-больную.

Они ушли, и остались два мальчика. Я возвратилась к Андрею, мы ещё поболтали немного; пришла сестра, спросила, не нужно ли что-нибудь, предложила измерить температуру, но Андрей, добродушно улыбаясь, отказался, говоря, что всё это начнёт с завтрашнего дня, а сегодня он только с удовольствием заснёт на мягкой постели. Сестра ушла. Мы заговорили о болезни, о врачах; я предложила пригласить на консультацию А.К. Педенко; Андрей согласился. – «Знаешь, правда, надо будет полечиться; уж раз я попал в больницу, надо использовать время; конечно, если бы меня выпустили, я бы сразу начал работать, некогда было бы лечиться, а теперь поневоле попою йод и ещё что-нибудь».

Мы условились, что я приду завтра к часу дня и постараюсь завтра же устроить консультацию. Пора было уходить, уже около 8½ часов. Хотя так не хотелось оставлять вновь его одного; за эти два с половиной часа он как бы пришёл в себя, пригрелся, настроение стало совсем другое. Я стала собирать свои вещи. Он снова сам завернул [всё] в бумагу, завязал пакет. Собирая вещи, я нашла коробку с несколькими плитками шоколада – почти весь шоколад, что я и другие ему приносили, оказался нетронутым. – «Почему ты не кушал шоколад? Разве ты его не любишь?» – «Нет, это я оставил девочкам, собираю для них; я ведь не люблю сладкого, а им это доставит удовольствие. Ты мне говорила, что кто-то, кажется, Юрьева хотела ехать в Воронеж, я и думал с ней переслать девочкам». Я была тронута до слёз этим знаком трогательной любви и заботливости. Мы простились, он крепко, крепко обнял меня и тихо прошептал: «Спасибо», проводил меня по коридору до лестницы, где на диване сидели мальчики красногвардейцы и улыбались. Я ещё раз его поцеловала и с тихой радостью в душе, что сегодня он заснёт не в камере на железной койке, а на удобной постели в тёплой комнате и отдохнёт хотя немного от своих страданий, ушла домой, ничего не подозревая, спокойная.

В 10 часов [вечера] у него был старший врач Г.А. Свяженинов¹⁵⁵; он застал А[ндрея] И[вановича] за чтением «Трёх мушкетёров» Дюма в «благодушном», как он выразился, настроении.

Он побеседовал с А[ндреем] И[вановичем], при чём разговор шёл преимущественно о детях, относительно которых Андрей очень беспокоился. Затем Свяженинов ушёл. Часов около 12-ти А[ндрей] И[ванович] разделся, переделся в больничное бельё и лёг спать, потушив огонь.

* * *

А в половине первого [ночи 7 января 1918 г. старого стиля] пришли «они» и убили его. Пришли под предводительством солдата [С.] Басова, который брал у меня деньги; [он] сказал [сторожу], что идёт сменить караул. Солдат Басов потребовал у сиделки лампу. Часть матросов осталась на лестнице, а другие пошли в комнату Андрея Ивановича и там, когда Басов светил, его убили тремя выстрелами в лицо, грудь и живот. Затем пошли в комнату Кокошкина, убили [и] того и сейчас же ушли. Внизу швейцару сказали, что сменили караул, и ушли¹⁵⁶. Растерявшиеся сиделки от страха не знали, что делать. Проснувшиеся больные подняли тревогу.

Кто-то побежал вниз, сказал швейцару. Пришёл дежурный врач¹⁵⁷. Кокошкин был мёртв. Андрей Иванович ещё жил, был в сознании; просил не делать перевязки, впрыснуть морфий и говорил: «Дети! Несчастные дети!». Пульса почти не было. Часа через полтора он умер, уже без сознания.

Ночью все телефоны в больнице не действовали, и известить никого о происшедшем из больницы не могли. Только утром, около 9 часов, дали знать на квартиру Паниной¹⁵⁸.

Текст публикуется по изданию: Как это было. Дневник А.И. Шингарёва. Петропавловская крепость.

27.11.1917 г. – 05.01.1918 г. М., 1918.

Приложения

Комментарий к дневнику Шингарева М.М. Винавера

...В тюремном дневнике Шингарева, доведенном почти до самого дня кошмарного его убийства, имеется нечто весьма ценное для познания его душевной сущности. Я имею в виду не политическое исповедание веры и не исполненные сердечной нежности обращения к детям, а штрихи более мелкие, незаметные, вне сознания пишущего проникшие на страницы дневника, но тем не менее, а может быть именно потому, особенно ценные. Дневник этот попал в мои руки уже после того, как были написаны предыдущие страницы; я оставляю нетронутым все сказанное, как основанное на личном наблюдении, и отмечу лишь отдельные места дневника, имеющие некоторое отношение к моим личным наблюдениям.

Узник, неожиданно захваченный в ночь с 27 на 28 ноября, проведенный затем весь день в канцеляриях Смольного и переведенный ночью в казематы Петропавловской крепости, тотчас достал блокнот и начинает с даты 27 ноября систематически записывать, «как это было», и затем правильно, не пропуская ни единого дня, ведет свои записи вплоть до последней минуты. Такова потребность этого систематически работающего человека. История есть история, и ее тоже надо делать и отмечать по настоящему. Так у него завелось издавна. Уедет он за границу в парламентской экспедиции, и из всей многочисленной компании никто так регулярно, никто так систематически не излагает всего, что происходило «за рубежом», как Шингарев. Эти зарубежные заметки не выделяются литературным талантом – стиль у него был вообще не из ярких; не заметно в них и особенно оригинальных наблюдений, – все в средних регистрах, все в порядке, все на месте, ясно, отчетливо и полно, но дело исполнено: извлечено из поездки все, что по личным силам Шингарева было возможно. И самое исполнение того, что полагалось, – всего, что можно сделать для того, чтобы жизнь не проходила «бесследно и бесплодно», – дает ему удовлетворение. Тоже и с тюрьмой. Сел в тюрьму – и опять никто из узников не записывал так, как Шингарев, не сделал из этого в такой мере своего повседневного «дела», как он. В этой готовности и умении овладеть обстановкою для практической цели, хотя бы на потребу истории, есть ведь несомненно отражение той особой деловитости, которая проистекает из идеи о труде, как о моральном долге, которая довольно редка в русском человеке, особенно в русском интеллигенте. Мало ли пересидело у нас за сто лет по тюрьмам людей значительных, одаренных литературным талантом в большей мере, чем Шингарев, а мемуарной тюремной литературы имеется сравнительно мало. Кокошкин, человек *par excellence* литературный, умевший и созерцать и в одиночестве творить, не написал ни одной строчки. У Кокошкина это была и особая скромность, нежелание занимать человечество своей персоною; но вообще говоря здесь дело бывает не в преувеличенной скромности, а в какой то рассеянной неделовитости в неумении прилагать к новой обстановке прочные навыки регулярной деловой жизни.

А в этой регулярной деловой жизни весь смысл существования Шингарева. Подводя итоги минувшему году, он пишет 31 декабря:

«Для страны и для себя лично я желал бы одного и того же в настоящем году: полной возможности мирной и спокойной созидательной работы... Жить без свободной работы, это медленно умирать. Жизнь, сведенная к житию, ужасна. Как хотелось бы повидать детей, хотя немного отдохнуть среди них приняться за работу, не расставаясь с ними. Как жаль даже эти немногие дни сидеть бессмысленно и бесплодно здесь».

5-го декабря он пишет: «Я сплошь заполняю время какою-либо работою».

Уже на третий или четвертый день по прибыли он «принимается за итальянскую грамматику», и видимо работает над нею усиленно, ибо вскоре уже переводит Дантовский «Inferno». В одном из последних своих писем, напечатанных в «Русских Ведомостях», он сообщает с насмешкою, от которой отдает теперь жутью, что при изучении итальянского языка наткнулся на великолепную пословицу, гласящую, что лучше быть *asino vivo*, чем *dottore morto*. Он одобряет эту народную мудрость и, точно предчувствуя свою участь, молит судьбу, чтобы его оставила, как *asino vivo*.

Времяпровождение его в тюрьме окрашено какою-то нарочитою аскетическою строгостью. Идея долга, жертвы была ему вообще присуща. Рационализируя ее, он теряет в ней чувство меры. Чувство меры вообще редко присуще рациональным моралистам; оно в некоторой мере подрывает основу их мироощущения. Быть может, мера есть даже преступление для людей долга. Отсюда один шаг к мученичеству. И оно проявляется в записях: «А *quoi bon?* Зачем? Для чего?» Не надо ни есть, ни удручать никого своими болезнями...

Моментами манит как будто природа. Отмечается и голубое небо, и солнце, и мороз, и иней; – но природа не умеряет таких натур. Для этого нужна иная к ней любовь. Нужно уметь слиться с нею – с этою на вид мертвою субстанциею – и даже иногда подчиниться ее власти. Человек, признающий во всем примат человеческой воли, не в состоянии утешаться созерцанием, – тем менее подчиняться чужеродному, нечеловеческому началу. А в Шингареве было особенно сильно это живое, индивидуальное волевое начало, и воля его направлена была на достижение самой человеческой цели: на исполнение морального долга. На этом пути он не знал предела. И подвиг его смерти был лишь естественным завершением этой, проведенной в необычайном нравственном напряжении, человеческой жизни.

Винавер М.М. – Недавнее: Воспоминания и характеристики. – Париж, 1926.

Отрывок из научной статьи:

Шелохаев В.В. Судьба русского парламентария (Ф.Ф. Кокошкин) // Отечественная история. 1999. № 5.

[Версия произошедших событий, изложенная в материалах следствия и обвинительном акте и отчасти систематизированная В. Шелохаевым, не может считаться окончательной и абсолютно верной. Окончательно данное дело, видимо, уже никогда не будет закрыто.]

...О том, как разворачивались дальнейшие трагические события в Мариинской больнице, скупо свидетельствуют материалы обвинительного акта по делу об убийстве А.И. Шингарёва и Ф.Ф. Кокошкина, воспоминания А.И. Шингарёвой и дневниковые записи М.Ф. Кокошкиной. Согласно показаниям С.И. Басова, ещё во время формирования наряда красногвардейцев П. Куликов недвусмысленно советовал не возиться с заключёнными, а «просто сбросить их в Неву». После смены караула, последовавшего около 9 часов вечера, Басов доложил Куликову, что заключённые доставлены в

больницу. В ответ Куликов возмутился тем, что Басов «не мог расправиться с ними» и послал его в ближайший морской экипаж, чтобы тот взял там матросов а отправился с ними в больницу для расправы с заключёнными.

Басов выполнил это приказание. Около 30 матросов флотских экипажей «Ярославец» и «Чайка» охотно вызвались пойти с Басовым. С криками «вырезать», «лишние две карточки на хлеб останутся» разъярённая матросня ринулась к Мариинской больнице. Расставив на всякий случай посты на соседних улицах, около 10 матросов примерно в 21.30 подошли к входу в больницу, стали стучать в дверь: «Сторож, открывай: здесь есть рестоаннные министры. Мы пришли на смену караулу». Увидев толпу вооружённых матросов, перепуганный сторож М.Е. Марков впустил их в больницу. Взяв у сторожа керосиновую лампу, Басов, зная расположение палат Кокошкина и Шингарёва, повёл матросов на 3-й этаж. Сначала матросы ворвались в палату А.И. Шингарёва. Тот готовился ко сну, сидел на кровати, прислонившись к стене. Здоровенный матрос-эстонец Оскар Крейс схватил его за горло, повалил на кровать и стал душить. Застигнутый врасплох, Шингарёв попытался спросить: «Что вы, братцы, делаете?». Однако матросы, крича, что «убивают министров за 1905 год, довольно им нашу кровь пить», стали беспорядочно в него стрелять из револьверов и колоть штыками. Затем убийцы направились в палату Ф.Ф. Кокошкина, который уже спал. Тот же Крейс схватил его за горло, а другой матрос – Я.И. Матвеев – двумя выстрелами в упор – в рот и сердце – убил его. Исполнив «свой классовый долг», матросы и красногвардейцы покинули больницу. Уходя из комнаты Шингарёва, они прихватили кожаную куртку и подарили её Басову. Опьянённые совершённым убийством, они требовали от Басова, чтобы тот повёл их в Петропавловскую крепость, где они намеревались расправиться с «сидевшими там министрами и Марковым-2-м». Более того, они сказали Басову, что потом они пойдут в лечебницу Герзони, где в это время находилось ещё три министра Временного правительства. Когда Басов доложил Куликову о случившемся, тот выразил удовлетворение, сказав «туда им и дорога».

7 января в 9 часов утра о случившемся ночью в Мариинской больнице сообщили гр. СВ. Паниной. ЦК кадетской партии принял решение превратить похороны Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарёва в общественно-политическую акцию. Несмотря на протесты М.Ф. Кокошкиной, намеревавшейся увезти тело мужа из Петрограда в Москву, было решено похоронить товарищей по партии на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры. На панихиде в соборе присутствовали родственники А.И. Шингарёва (М.Ф. Кокошкина демонстративно отказалась от участия), близкие друзья, члены ЦК, бывшие депутаты I–IV Государственной Думы, депутаты Учредительного собрания от оппозиционных партий, представители общественных и политических кругов. Панихиды состоялись в Москве, Воронеже, Ростове и других городах.

Как же на убийство Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарёва реагировали большевики? Узнав об этом, В.И. Ленин 7 января в 11 часов утра поручил В.Д. Бонч-Бруевичу и наркому юстиции И.З. Штейнбергу немедленно приступить к расследованию и арестовать виновных. В тот же день была создана следственная комиссия в составе Бонч-Бруенича, Штейнберга и наркома по морским делам П.Е. Дыбенко. Комиссия разослала срочную телеграмму всем комиссариатам, председателям районных Советов, комитету по борьбе с погромами, штабу Красной гвардии. Чрезвычайной следственной комиссии ВЧК, комиссии по охране Петрограда, комиссару по уголовным делам, комиссарам петроградских вокзалов, районным штабам Красной гвардии с предписанием «совершенно немедленно поднять на ноги все имеющиеся в распоряжении силы» и приступить к розыску виновных в убийстве. В тот же день было решено привлечь в следственную комиссию представителей от всех партий.

В течение нескольких дней уголовному отделению Народного Комиссариата юстиции удалось установить личности убийц Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарёва – матросов О. Крейса, Я.И. Матвеева и красногвардейца С.И. Басова. Однако морские экипажи «Ярослапца» и «Чайки» демонстративно отказались выдать Крейса и Матвеева следственным органам. 9 января был арестован Басов, который сразу же сознался в соучастии в убийстве и дал подробные показания о событиях той трагической ночи. Кроме него, показания дали ещё 15 подследственных, включая Михайлова и Куликова. Басов и

активный подстрекатель к убийству Куликов были на время следствия заключены в Петропавловскую крепость. В конце января 1918 г. Ленин, заслушав доклад следственной комиссии по делу об убийстве Кокошкина и Шингарёва, выразил ей благодарность за быстрое завершение следствия и объявил её распушенной. Наркому юстиции Штейнбергу было поручено в кратчайшие сроки провести это дело через органы юстиции, а наркому по морским делам Дыбенко – разыскать матросов, убивших Кокошкина и Шингарёва.

Характерно, что непосредственные убийцы – матросы О. Крейс и Я.И. Матвеев – так и не были «разысканы», а точнее не были выданы флотскими экипажами, и большевистские власти вынуждены были с этим смириться. К суду были привлечены 8 человек (Басов, Куликов, Рудаков, Блюменфельд, Михайлов, Артемьев, Семёнов, Розин). В качестве общественного обвинителя на этом суде предполагал выступить кн. Павел Долгоруков. Находясь в это время в одиночной камере Петропавловской крепости, он подготовил «Речь в защиту убийц Шингарёва и Кокошкина» (Басов и Куликов сидели в соседних с ним камерах), в которой намеревался назвать истинных виновников убийства своих товарищей по партии... Но никакого суда не было.

15 марта 1918 г., в связи с выходом левых эсеров из Народного комиссариата юстиции, предложенная Штейнбергом редакция обвинительного заключения была отвергнута большевиками. После чего дело об убийстве Кокошкина и Шингарёва развалилось. Более того, непосредственный соучастник убийства С.И. Басов был освобождён из-под стражи и получил назначение на один из фронтов. Одновременно с ним из Петропавловской крепости выпустили и Куликова.

БИБЛИОГРАФИЯ

Последующие публикации «Дневника» А.И. Шингарева:

1. Как это было. Дневник А.И. Шингарева. Петропавловская крепость. 27.11.1917 г. – 05.01.1918 г. М., 1918.
2. The Shingarev Diary. How it was: The Peter and Paul fortress, 27-XI-17 – 5-I-18 A.I. Shingarev / Translated by F. Ashbee, I. Tidmarsh. Royal Oak (Mi.), 1978. (текст парал. – рус. и англ. яз.).
3. Шингарев А. «Исполнинская нечаевщина охватила Россию...» / Предисл., публикация, прим., послесловие И. Мочалова // Дружба народов. 1993. № 8. С. 225-237.
4. Гибель земского доктора. Тюремный дневник Андрея Ивановича Шингарева // [интернет-журнал] «Русская жизнь». 2007. Апрель – <http://www.rulife.ru/old/mode/article/61/>.
5. Как это было. Дневник А.И. Шингарева // Портал Agitclub.ru. Другая Россия – другая история. – <http://www.agitclub.ru/hist/rev/singarev>.

Некоторые работы с непосредственными откликами на текст «Дневника» А.И. Шингарева или широко использующие его как источник:

1. *Архипов И.Л.* А.И. Шингарев – «обходительный либерал» // Звезда. 2007. № 9.
2. *Архипов И.Л.* Российская политическая элита в феврале 1917 г. СПб., 2000.
3. *Винавер М.М.* Недавнее: Воспоминания и характеристики. Париж, 1926.
4. *Долгоруков П.Д.* Великая разруха. М., 2007.
5. *Милюков П.Н.* Андрей Иванович Шингарев // Памяти погибших / Под ред. Н.И. Астрова, В.Ф. Зеелера, П.Н. Милюкова и др. Париж, 1929.
6. *Хрущов А.Г.* Андрей Иванович Шингарев: его жизнь и деятельность. М., 1918.
7. *Шелохаев В.В.* Судьба русского парламентария (Ф.Ф. Кокошкин) // Отечественная история. 1999. № 5.

КОММЕНТАРИИ

---

¹ Астров Николай Иванович (1868–1934) – один из лидеров конституционно-демократической партии, член ее ЦК с 1907 г. Вся его общественно-политическая деятельность связана с Москвой. Гласный городской думы (1903-1916). Занимал ведущие позиции в левом крыле кадетской партии. Член Главного комитета Всероссийского Союза городов. Депутат Учредительного собрания по кадетскому списку от Московского столичного избирательного округа. После Октябрьского переворота член различных «контрреволюционных» организаций, в том числе «Национального центра», член Особого совещания при верховном главнокомандующем Вооруженными силами Юга России (ВСЮР). В 1920 г. эмигрировал.

² Имеется в виду дом отца Шингарева – Ивана Андреевича, воронежского купца, где тогда жили дочери Андрея Ивановича. Дом находился, скорее всего, на ул. Никитинской (Воронеж), более точное местонахождение не установлено.

³ Шингарев имел все основания опасаться ареста, т.к. на протяжении всего 1917 г. ожесточенно критиковал в печати и публичных выступлениях (в том числе и в городской Думе Петрограда) деятельность большевистской партии и ее вождей. За свою активную противобольшевистскую позицию в качестве лидера кадетской фракции петроградской городской Думы Шингарев подвергался прямой опасности ареста. В ноябре 1917 г. его квартира в Петрограде как минимум дважды подвергалась обыскам. Член кадетской фракции городской Думы и член ЦК партии В.А. Оболенский недвусмысленно указывает на это в своих воспоминаниях. См.: Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 564.

⁴ Шингарев был избран членом ЦК кадетской партии в октябре 1907 г. на V съезде партии и с тех пор постоянно переизбирался, пребывая в этом качестве до своей трагической гибели.

⁵ Источники показывают, что в члены Всероссийского Учредительного собрания было избрано около 15 депутатов от конституционно-демократической партии (т.е. по кадетским спискам). К этому числу можно смело прибавлять еще около 15 депутатов, избранных по различным казачьим и национальным спискам (мусульманским, еврейским и польским), которые либо напрямую состояли в партии кадетов, либо явно сочувствовали ей. Вопрос об избрании Шингарева депутатом Учредительного собрания долгое время оставался открытым, но есть немало оснований утверждать, что он не был избран ни в одном из избирательных округов. Далеко не все избранные депутаты-кадеты (а среди них были виднейшие представители партии) разделяли подобное представление о своем «общественном долге». Есть немало оснований полагать, что всего 5-6 депутатов-кадетов были в Петрограде к 28 ноября, причем двое из них (Ф.Ф. Кокошкин и П.Д. Долгоруков) были сразу арестованы большевиками. По вполне понятным причинам, к новой дате открытия Учредительного собрания (5 января 1918 г. ст. стиля) неарестованных депутатов-кадетов в Петрограде было всего 2-3 человека, да и то на

полулегальном положении. По непроверенным данным, только Ф.И. Родичев (инкогнито) присутствовал на первом и единственном заседании Учредительного собрания.

⁶ Партия кадетов к тому моменту уже около месяца находилась на полулегальном положении, которое с декабря 1917 г. стало нелегальным. Большинство членов ЦК не рисковали появляться в Петрограде без крайней необходимости и гораздо чаще бывали в Москве. В более спокойные времена на заседаниях кадетского ЦК чаще всего председательствовали И.И. Петрункевич, В.Д. Набоков или П.Н. Миллюков. Однако в целом кадетская партия никогда не являлась подпольной и к нелегальной деятельности не была готова и фактически этим искусством так и не овладела, что наглядно продемонстрировала в 1917-1920 гг.

⁷ Данная поездка состоялась в ноябре 1917 г. и стала для Шингарева последней; в последний раз побывал он и в родном городе. Поездка носила ярко выраженный агитационный характер и явилась частью целого «предвыборного турне» Шингарева по городам юга России и, прежде всего, по тем, где его фамилия стояла в кадетских списках кандидатов в Учредительное собрание. Активно агитируя за кадетскую партию, Шингарев в этот (последний) раз посетил Харьков, Воронеж, Тамбов, Саратов, Ростов-на-Дону и др. города. В некоторых городах его агитация оказала определяющее влияние на исход выборов в Учредительное собрание. Например, в Воронеже кадетам отдали свои голоса около 55% пришедших на избирательные участки, что в то время для провинциального города было весомым показателем. Шингарев обладал для успешной агитации всеми данными. Член студенческой организации партии кадетов в 1917 г. И. Куторга вспоминал: «...Он не стеснялся “резать волну” и говорить вещи, подчас очень острые для революционной демократии, для улицы революционной демократии – непереносимые. А его все-таки слушали, он мог выступать там, где этого не могли сделать ни Миллюков, ни Набоков. Скромный, смятый, серый пиджачок, усталое, серое лицо, на котором приковывают внимание громадные серые печальные глаза, иногда зажигающиеся огнем негодования, но больше излучающие как бы удивленную скорбь, глубокий ласковый голос, проникающий прямо в душу, простая убежденная красивая речь... Образ чисто русский, русского народника, русского интеллигента, прожившего трудовую жизнь в самой народной толще, знающего близко, как нечто действительно родное, заботы русского села и запах сельской избы. Перед этой речью, простой и искренней, перед этой стихийной тревогой о судьбах народа и родины, перед этой горячей, не надуманной, а глубоко органичной верой в способность народа встать из своего сегодняшнего распада, – пасовала партийная непримиримость, а главное, умолкала социальная вражда. Шингарев не был массам чужим».

⁸ Временное правительство 15 июня 1917 г. под явным политическим давлением Петроградского Совета назначило выборы в Учредительное собрание (УС) на 17 сентября, а открытие – на 30 сентября, что было абсолютно нереальными сроками организации голосования. Сроки пришлось сдвинуть и 9 августа 1917 г. (когда июльский кризис власти миновал) правительство переназначило день открытия УС на 28 ноября 1917 г., а выборы на 12 ноября. 27 октября большевистский Совнарком эти даты подтвердил. Но выборы, тянувшиеся с 12 ноября по всей стране, к концу ноября еще далеко не закончились (в том числе и из-за вмешательства большевиков), что (помимо ряда политических

соображений) вызвало декрет СНК от 26 ноября 1917 года об открытии УС лицом, исключительно специально на то уполномоченным Совнаркомом, и при наличии не менее половины членов УС (т.е. не менее 400 депутатов), что впоследствии привело к переносу открытия УС на 5 января. 28 ноября депутатов УС в Петрограде было еще крайне мало (около 80 человек). Группа самых настойчивых депутатов (около 50) всё же проникла в Таврический дворец и стала там «заседать» в виде «частного совещания членов УС». Но эти «совещания» были в течение недели ликвидированы большевистской охраной Таврического дворца с арестом некоторых депутатов, по преимуществу эсеров. (См.: Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 268–271).

⁹ Оболенский Владимир Андреевич (1869–1951) – статистик, журналист, известный общественно-политический деятель, видный деятель кадетской партии, с 1910 г. член ее ЦК. Общественная деятельность связана с Санкт-Петербургом и Крымом. С июля по декабрь 1917 г. гласный Петроградской городской думы, член ее кадетской фракции, которой руководил Шингарев. Член «Комитета спасения родины и революции». В ноябре 1920 г. эмигрировал. В.А. Оболенский вспоминал, как Шингарев жаловался ему после горячего спора с Ф.И. Родичевым, случившемся как раз в этом (последнем для Шингарева) заседании ЦК: «“Ведь вот как легко люди готовы отказаться от основных своих политических требований под влиянием испытанных неудач. Знаете, о чем мы спорили? Родичев доказывал, что всеобщее избирательное право для России непригодно, т.е. непригодно то, за что мы боролись с 1905 года... Удивительно как люди не понимают, что всеобщее избирательное право не причем в неудачном результате выборов. Ведь Россия сейчас представляет из себя огромный сумасшедший дом, и какую бы избирательную систему не применять в сумасшедшем доме – ничего кроме чепухи не может получиться. Нужно изжить массовое помешательство. А от своих демократических убеждений я из-за происходящей чепухи отказываться не намерен”. Говорил Шингарев с большим волнением, и видно было, что неожиданное для него настроение его старых партийных товарищей его глубоко огорчили». (Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 572)

¹⁰ Кадеты и умеренные социалисты предполагали организовать 28 ноября мирную манифестацию в качестве приветствия открытия Учредительного собрания (УС) и его депутатов. В этом мероприятии вне стен Таврического дворца и внутри него должна была принять участие и делегация Петроградской (Центральной) городской думы, продолжавшей негласно собираться после ее роспуска Совнаркомом и переизбрания в новом составе в ноябре 1917 г. Большевики и советская историография интерпретировали эту демонстрацию как попытку открыть УС явочным порядком и свергнуть «законную» власть СНК. Естественно, что у данной акции должен был быть политический подтекст (такое уж было время), но никаких законных оснований для узурпации власти и прав УС у большевиков также не было (что, конечно, их несколько не смущало). Манифестации оппозиционных большевикам сил активно организовывал и «Союз защиты Учредительного Собрания», созданный 23.11.1917 г. и прекративший свою деятельность лишь в марте 1918 г.

¹¹ Имеется ввиду декрет СНК от 26 ноября 1917 года об открытии Учредительного собрания лицом, исключительно специально на то уполномоченным Совнаркомом, при наличии не менее половины (не менее 400) членов Учредительного собрания.

¹² Речь идет об арестованных большевиками 26 октября 1917 г. в Зимнем дворце членах Временного правительства последнего состава (арестованы были все министры, кроме А.Ф. Керенского и С.Н. Прокоповича), а также об оставшихся на свободе членах подпольного Временного правительства (товарищи министров и сотрудники министерств). Подробнее см.: Демьянов А.С. Записки о подпольном Временном правительстве // Архив русской революции. Т. 7. М., 1991. С. 34-52; Измозик В.С. Временное правительство: люди и судьбы // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 163-169. Под «заявлением Временного правительства» имеется в виду воззвание от 17 ноября 1917 г. «Ко всем гражданам Российской республики!» или подписанное всеми арестованными министрами письмо на имя председателя Учредительного собрания от 26 ноября 1917 г., к которому присоединилось и подпольное Временное правительство. В письме говорилось о передаче всей власти Учредительному собранию и излагалась просьба дать министрам возможность явиться на заседание собрания для дачи полного отчета в своих действиях как членов Временного правительства последнего состава. Текст письма был опубликован в антибольшевистской прессе.

¹³ Тем не менее, в какой-то мере всё это удалось. Подробнее см.: Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 270–271.

¹⁴ Шингарев жил в Санкт-Петербурге по адресу: ул. Большая Монетная, д. 22.

¹⁵ Панина Софья Владимировна (1871–1957) – известная благотворительница и общественная деятельница, одна из виднейших «кадетских дам». Член ЦК кадетской партии с мая 1917 г., товарищ министра народного просвещения Временного правительства с 14 августа 1917 г., депутат Петроградской городской Думы, член «Комитета спасения родины и революции», член подпольного Временного правительства и глава малого Совета министров в нем. Заседания этого правительства и ЦК кадетской партии после большевистского переворота нередко проходили в ее квартире. В ходе изъятия большевиками денежных средств бывшего Министерства просвещения отказалась сдать ок. 92 тыс. руб., собранные по подписке со всей России на строительство и организацию женского медицинского института. За это была арестована большевиками, подвергнута суду Петроградского Ревтрибунала и отпущена 19 декабря 1917 г. только после внесения в кассу Народного комиссариата просвещения 92-х тыс. руб., которые также собирались по подписке. Член «Национального центра». Весной 1920 г. эмигрировала. Автор мемуаров «На Петроградской окраине» (Новый журнал. 1957. № 48-49).

¹⁶ См. прим. 2.

¹⁷ Петрункевич А.М. – личность установить не удалось. Скорее всего, это племянница известного общественного деятеля и лидера кадетской партии И.И. Петрункевича, которая и передала приглашение Паниной Шингареву.

¹⁸ Петроградский Военно-революционный комитет – чрезвычайный орган власти Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Образован 9-12 октября 1917 г. решениями исполкома Петросовета, его создание было одобрено пленумом Петросовета 16 октября. Помимо подготовки и руководства восстанием большевиков и им сочувствующих в Петрограде до начала декабря 1917 г. являлся высшим чрезвычайным органом государственной власти. Помещался в здании Смольного института. Во главе ВРК с 16 октября стоял партийный большевистский «Военно-революционный центр», состоявший из А.С. Бубнова, Ф.Э. Дзержинского, Я.М. Свердлова, И.В. Сталина и М.С. Урицкого. Полный состав ВРК и его руководства не установлен.

¹⁹ Показательно, что большевики в тот раз не рассчитывали арестовать на квартире С.В. Паниной других членов кадетского ЦК (да еще к тому же и членов Учредительного собрания от кадетской партии), и комиссару пришлось ездить за инструкциями. Такой неожиданной удачей новые властители просто не могли не воспользоваться. После немедленного ареста Паниной, Шингарева и Кокошкина на квартире была оставлена еще и «засада» для поимки других видных кадетов.

²⁰ Кокошкин Федор Федорович (1871–1918) – один из основателей и руководителей кадетской партии, бессменный член ее ЦК, депутат I Государственной Думы. Магистр государственного права, виднейший юрист своей эпохи, журналист, редактор и публицист. Возглавлял Юридическое совещание при Временном правительстве. Член 2-го коалиционного правительства как Государственный контролер. Депутат Учредительного собрания от города Москвы. Жена – Мария Филипповна Кокошкина (1878–1948). Подробнее см.: Шелохаев В.В. Судьба русского парламентария (Ф.Ф. Кокошкин) // Отечественная история. 1999. № 5. С. 44–73.

²¹ Скорее всего, имеется в виду Лиговский Народный Дом им. императора Александра III, построенный на средства С.В. Паниной в 1904 г. (архитектор Ю.Ю. Бенуа). Ныне ДК железнодорожников в СПб. Занимал видное место в общественной жизни Петрограда.

²² Шингарев пишет об Александре Ивановне Шингаревой – своей младшей сестре (по образованию врач, санитарно-эпидемический врач врачебно-санитарного отдела и санитарно-технического бюро Петроградского областного комитета Всероссийского союза городов) и Георгии Андреевиче Шингареве (1899 – 1919) – своем младшем сыне, предположительно умершем от болезни в эмиграции в Праге. Подробнее см.: Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 447-448; Акинъшин А. Сыновья министра // Воронежский телеграф. 2002. № 67.

²³ Следственная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией при Петроградском ВРК, председатель – П.А. Красиков.

²⁴ Описание того же дня 28 ноября см. в воспоминаниях П.Д. Долгорукова «Великая разруха» (М., 2007. С. 46-51).

²⁵ Члены фракции партии социалистов-революционеров в уже закрытой, но подпольно еще работавшей Петроградской городской думе, либо же (что менее вероятно) – члены эсеровской фракции разогнанного Предпарламента.

---

²⁶ Петроградский Комитет общественной безопасности организован 24 октября 1917 г. под председательством городского головы Г.И. Шрейдера, впоследствии председатели неоднократно менялись. Объединял вокруг городской Думы всех представителей интеллигенции и служащих – противников большевиков, сторонников Временного правительства и Учредительного собрания.

²⁷ Имеется в виду либо Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, избранный Всероссийским съездом Советов 26-27 октября 1917 г., либо (Центральный) Исполнительный Комитет (Исполком) Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, переизбранный 27 ноября 1917 г. в составе 34 большевиков и 10 левых эсеров. Вероятнее всего, Шингарев пишет о члене ВЦИК.

²⁸ Красиков Петр Ананьевич (1870–1939) – старый большевик, член РСДРП с 1892 г., ссыльный, подпольщик, агент «Искры». С февраля 1917 г. член Исполкома Петросовета. После большевистского переворота – председатель Следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией при Петроградском ВРК. Активный деятель воинствующего атеизма. С 1921 г. член малого Совнаркома, заместитель наркома юстиции. С 1924 г. прокурор (позже – заместитель председателя) Верховного суда СССР.

²⁹ Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) – писатель, критик, искусствовед. Член РСДРП с 1895 г., с 1903 г. – большевик, партийный публицист и журналист. В 1917–1929 гг. – народный комиссар просвещения во всех составах советского правительства.

³⁰ Долгоруков Павел Дмитриевич (1866–1927) – общественный и земский деятель, один из создателей «Союза Освобождения» и учредителей кадетской партии, член ее ЦК, активный деятель Всероссийского Союза городов, депутат УС от Московской губернии. Просидел в Трубецком бастионе 1,5 месца после ареста и еще 1,5 месяца после убийства Шингарева и Кокошкина. Опубликовал в «Речи» открытое письмо в СНК, в котором обосновывал незаконность арестов лидеров кадетов. Активно участвовал в Белой борьбе. Эмигрировал в ноябре 1920 г., несколько раз нелегально приезжал в Россию, опознан и арестован ГПУ (Украины), расстрелян. Оставил интересные свидетельства о последнем месяце жизни Шингарева и Кокошкина в воспоминаниях: Великая разруха (М., 2007), а также статьях, публиковавшихся в 1919 г. в газетах Белого юга. Кстати указывал, что режим содержания заключенных был довольно мягким, за исключением плохо отапливаемых камер (температура в них не превышала 8–10 С° тепла). Подробнее о нем и его брате см.: Шелухаев В.В., Канищева Н.И. Петр Дмитриевич Долгоруков // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 68-79.

³¹ Подпольное Временное Правительство.

³² Речь идет о действительно имевших место связях отдельных лидеров кадетской партии с некоторыми казачьими и офицерскими организациями, а также о неоднократных поездках кадетских агитаторов (в том числе и самого Шингарева) на Дон и Кубань осенью 1917 г. Кадеты стремились не только создать весомую «государственно-мыслящую» фракцию в УС, но и опереться на казаков, как на единственную организованную военизированную силу, неминуемо страдавшую от преобразований большевиков, особенно в русле их классовой политики в земельном вопросе. При этом доказательств

прямой связи кадетской партии с казачьими и офицерскими вооруженными мятежами против большевиков у ВЧК не было, не найдено их в достаточном количестве и до сего времени. Хотя косвенные контакты и посредничество при передаче финансовой помощи от ряда заинтересованных лиц борцам против большевиков, бесспорно, имели место.

³³ Комитет спасения родины и революции – общественно-политическая организация, созданная 26 октября 1917 г. для борьбы с большевиками под председательством одного из лидеров правых эсеров Н.Д. Авксентьева. Состоял из представителей петроградской городской Думы, эсеро-меньшевистских ЦИК Советов первого созыва, Центрофлота, Предпарламента, Исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов и др. организаций. Просуществовал около месяца и был преобразован в «Союз защиты Учредительного собрания». Шингарев членом Комитета не был, т.к. большую часть ноября находился вне Петрограда и представителем кадетского ЦК в Комитете быть не мог; ими являлись В.А. Оболенский, С.В. Панина и В.Д. Набоков. В любом случае никакого деятельного сотрудничества между кадетами и эсерами в комитете быть не могло. Подробнее см.: Rosenberg W.G. Russian Liberals and the Bolshevik Coup // *The Journal of Modern History*. Vol. 40 (1968). № 3.

³⁴ Красиков явно лукавил. У Кокошкина и Долгорукова удостоверения избранных членов УС были на руках, а у Шингарева такого удостоверения действительно не было, и как выяснилось позже, быть не могло, т.к. он не был избран депутатом УС.

³⁵ Удостоверение члена УС, избранного в Московском столичном округе по кадетскому списку.

³⁶ Шингарев немного ошибается в оценке событий, т.к. поход против УС был запланирован большевистскими лидерами уже давно, кадеты лишь случайно подвернулись; когда кампания против «буржуазного парламентаризма» начинала раскручиваться, кадеты стали ее антигероями, без вины виноватыми, за что Кокошкин и Шингарев заплатили жизнями. Но «предлогом» для продолжения развязывания политического и классового противостояния они действительно стали.

³⁷ Знаменитая на всю Россию и СССР одиночная тюрьма в Санкт-Петербурге, построенная в 1884-90 гг. архитектором А.О. Томишко. Была рассчитана на одновременное содержание 1150 заключенных. «Кресты» – разговорное, «народное» название, связанное с архитектурно-географическим расположением корпусов. В период двух русских революций тюрьма являлась по преимуществу политической. Ныне это следственный изолятор Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

³⁸ Революционные трибуналы – судебные органы, созданные согласно декрету о суде № 1 от 22 ноября 1917 г. Действовали в составе председателя и 6 очередных заседателей по 3 месяца без переизбрания. 19 декабря 1917 г. Наркомюст Советской республики издал инструкцию «О революционном трибунале», по которой предусматривалось рассмотрение ими в том числе и дел о лицах, активно противодействовавших СНК. Смертная казнь в качестве приговора не предусматривалась. Высшей мерой наказания считалось объявление осужденного «врагом народа», что автоматически ставило его «вне закона» и вне общества.

³⁹ Полный текст декрета см.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 35. М., 1974. С. 126. «Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции» был принят на заседании СНК 28 ноября (11 декабря) 1917 года в 10,5 часов вечера и подписан всеми народными комиссарами. Принятие было обусловлено стремлением нейтрализовать кадетскую оппозицию и иметь хотя бы какое-то формальное основание, чтобы задержать арестованных кадетских лидеров.

⁴⁰ Около 3,6 м., если принимать в расчет стандартный аршин, равный 0,711 м.

⁴¹ Около 2,3 м.

⁴² Около 4,5 см².

⁴³ Войтинский Владимир Савельевич (1885–1960) – экономист, член РСДРП, политкаторжанин, в ссылке сблизился с меньшевиками. В 1917 г. видный меньшевистский деятель, член ЦИК Петросовета, редактор газеты «Известия», комиссар Северного флота. В октябре 1917 г. участвовал в походе А.Ф. Керенского и П.Н. Краснова на Петроград, арестован и заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. После освобождения в январе 1918 г. уехал в Грузию, позже эмигрировал в Германию. Шингарев не далек от истины, предполагая причину его ареста, но ситуация усугблялась участием Войтинского в так называемом «мятеже Керенского–Краснова». Если бы не социалистическое прошлое, то Войтинский так легко бы не отделался. Вполне возможно, что гибель Шингарева и Кокошкина в какой-то степени открыла для него двери тюрьмы.

⁴⁴ Имеются в виду участники так называемого «юнкерского мятежа» в Петрограде, выступившие, чтобы поддержать поход А.Ф. Керенского и П.Н. Краснова на Петроград. Наиболее активны были юнкера Николаевского инженерного училища и Владимирского военного училища. Основные события восстания происходили 29 октября 1917 г., к вечеру этого дня часть юнкеров была обезоружена, арестована и отправлена в Петропавловскую крепость. К моменту появления там Шингарева часть юнкеров была уже отпущена, а часть – расстреляна. Последний факт большевики так и не признали.

⁴⁵ Лихтенберже, Андрэ (Lichtenberger, André) (1870–1940) – французский социолог и романист, «буржуазный консерватор». Шингарев читает его книгу «Социализм и французская революция» (пер. на русский Ю. Стеклова. СПб, 1907), скорее всего, в оригинале (*Le socialisme au XVIII siècle*. Paris, 1895; *Le socialisme utopique*. Paris, 1898).

⁴⁶ Комментарий А.В. Тырковой: «В тюрьме, как в больнице, быстро втягиваешься в общий склад жизни. В ее однообразии есть властность. Тело, мысли, чувства невольно приспособляются к чужому, неуклонному расписанию. Это необходимо для внутреннего равновесия, а инстинкт самосохранения с первых же дней, в особенности с первых ночей, подсказывает, что надо держать себя в руках. Предварилка моего времени была гуманной тюрьмой. Оно и не могло быть иначе, так как министерство юстиции, в ведении которого она находилась, было учреждением просвещенным. В провинции, вдали от центральной власти, тюрьмы могли быть хуже. Но тюрьмы петербургские были куда человечнее европейских тюрем того времени, как английских, так и французских. Это мне не раз подтверждал Вл. Бурцев. У него в этом отношении был интернациональный опыт.

Но тюрьма есть тюрьма. Ни один нормальный человек не может оставаться равнодушен, когда его сажают под замок. Запертая дверь, щелканье ключей, физическое ощущение сжимающих тебя стен, сознание своего бессилия, беспомощности – все это препротивно. Поддаваться этому настроению нельзя. Один из способов его преодолеть – это сразу составить себе строгое расписание занятий, так, чтобы не оставалось пустых мест. Русские интеллигенты, частенько попадавшие в тюрьму, это хорошо понимали. Сидя в тюрьме, они изучали математику, астрономию, историю, а в особенности налегали на языки. Часто в тюрьмах писали статьи, книги. В 60-х годах Чернышевский в крепости написал «Что делать?». В 90-х Милюков часть своих «Очерков русской истории» написал в тюрьме. Книги и материалы разрешалось получать с воли...» (Тыркова-Вильямс А.В. То, чего больше не будет. На путях к свободе. М., 1998. С. 306-307).

⁴⁷ Фуше, Жозеф (1759–1820) – французский политический и государственный деятель, побывал и якобинцем (член Якобинского клуба), и жирондистом, и термидорианцем; министр полиции при Наполеоне I.

⁴⁸ Внутренний двор тюрьмы Трубецкого бастиона повторял форму тюремного здания и самого бастиона, построенных в виде пятиугольника, в чем может убедиться любой желающий, посетив Петропавловскую крепость.

⁴⁹ Газета, проводившая взгляды левых меньшевиков-интернационалистов; издавалась при активном участии М. Горького (там публиковались в том числе и его знаменитые «Несвоевременные мысли») и Н.Н. Суханова (Гиммера) в 1917 – нач. 1918 гг. в Петрограде. Во многом поддерживала большевиков, но захвата ими власти без создания коалиционного социалистического правительства не поддержала.

⁵⁰ Около 200 гр.

⁵¹ Скорее всего, имеется в виду Анастасия Сергеевна Петрункевич.

⁵² Кишкин Николай Михайлович (1864–1930) – потомственный дворянин, врач, член «Союза Освобождения» и ЦК кадетской партии с 1905 г., лидер Московского комитета кадетской партии, комиссар Временного правительства в Москве. С 25 сентября 1917 г. – министр государственного презрения в последнем составе Временного правительства. 25 октября 1917 г. назначен особоуполномоченным Временного правительства и губернатором Петрограда. 26 октября арестован вместе с другими министрами в Зимнем дворце, освобожден весной 1918 г.

⁵³ Бернацкий Михаил Владимирович (1876–1945?) – профессор-экономист, товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства, с сентября – министр финансов. Арестован вместе с другими министрами в Зимнем дворце, освобожден весной 1918 г., уехал на «белый Юг», министр финансов в правительствах А.И. Деникина и П.Н. Врангеля. В 1920 г. эмигрировал.

⁵⁴ Терещенко Михаил Иванович (1886–1956) – крупнейший украинский сахарозаводчик, землевладелец и промышленник. Масон (оспаривается частью историков), депутат IV Государственной Думы, с 1915 г. возглавлял Киевский Военно-промышленный комитет, товарищ председателя Всероссийского ВПК. Министр финансов и позже иностранных дел Временного правительства, член

Директории, заместитель министра-председателя Керенского. Арестован при большевистском перевороте вместе с другими министрами, освобожден весной 1918 г. и сразу же эмигрировал.

⁵⁵ Александра Ивановна Шингарева – сестра Андрея Ивановича Шингарева.

⁵⁶ Козловский Мечислав Юльевич (1876–1927) – активный деятель польско-литовского и русского революционного движения, член РСДРП с 1900 г., журналист. В 1917 г. член Исполкома Петросовета, представитель ЦК партии большевиков в Особом совещании по выработке закона о выборах в УС, в «июльские дни» 1917 г. в Петрограде арестован. После большевистского переворота – председатель следственной комиссии Петроградского ВРК. В декабре 1917 г. – ноябре 1920 гг. член коллегии наркомата юстиции, член и затем председатель Малого СНК РСФСР. Во время описываемых событий наводил страх на многих обывателей Петрограда необузданным поведением, пьяными выходками, издевательствами над подозреваемыми и заключенными и непомерными коррупционными аппетитами.

⁵⁷ Имеется в виду отраженное в прессе заявление участников частного совещания депутатов УС в Таврическом дворце по поводу ареста некоторых членов УС большевиками. Шингарев уверен, что и он избран в УС, хотя и не на 100%, что будет видно из последующего изложения. Фраза о «свободных» депутатах-узниках принадлежит депутату УС от партии социалистов-революционеров П.А. Сорокину – автору соответствующего обращения, опубликованного в некоторых газетах. В «идеалистическом» смысле он был прав; от различного типа доктрин, схем и т.п. кадеты были гораздо свободнее всех социалистов, но, к сожалению, не свободны фактически.

⁵⁸ Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц как гражданского так и военного и морских ведомств (ЧСК) Временного правительства была образована 4 марта 1917 г. с целью документально подтвердить преступления царского режима и его сановников и в конечном итоге устроить показательный судебный процесс над всей правившей бюрократической элитой Российской империи. В ее задачи входило расследование противозаконных действий бывших высших чиновников гражданского, военного и морского ведомств. Комиссия (в составе ряда юристов, политических и общественных деятелей) работала под председательством присяжного поверенного Н.К. Муравьева до марта 1918 г. и была сначала реорганизована, а потом распущена большевиками. Ее материалы представляют собой весьма ценный комплекс исторических источников (ГАРФ. Ф. 1467, 2 оп., 1064 ед. хр.). Показания самого Шингарева в ЧСК, данные в качестве свидетеля, являются его своеобразными «воспоминаниями» и представляют немалый интерес не только для специалистов. Подробнее см.: Падение царского режима. М., 1925-1927. ТТ. 1-7; Завадский С.В. На великом изломе. Под знаком Временного правительства // Архив русской революции. М., 1991. Т. 11. С. 5-73.

⁵⁹ Уверенность члена Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) в избрании Шингарева в члены УС могла основываться на публиковавшихся в газетах предварительных результатах выборов в ряде городов. В частности в Воронеже и Харькове ситуация для кадетов складывалась весьма благоприятно, а Шингарев возглавлял там кадетские списки, но крестьяне этих губерний проголосовали за эсеров и большевиков. Окончательные результаты выборов в УС по всем пяти округам, в которых балатировался

Шингарев (Воронежский, Харьковский, Петроградский-столичный, Псковский и Саратовский), стали известны только во вторую неделю декабря (и позже) и показали, что в УС он избран не был.

⁶⁰ Блан, Луи (1811–1882) – французский утопический социалист, историк, журналист, деятель революции 1848 г. Сторонник компромиссной политической борьбы, «реформист и соглашатель» в терминологии большевиков. Написал «Историю французской революции» и «Историю революции 1848 г.». Оба труда переводились на русский язык в 1907-1909 гг. (хотя в принципе Шингарев может читать их и по-французски, но прямых указаний на это нет), один из них и читает в камере Шингарев, стараясь по нему определить будущие превратности русской революции.

⁶¹ Около 770 м. – длина средней по продолжительности прогулки Шингарева в тюремном двореке.

⁶² Фотографию – групповой портрет семьи Шингаревых.

⁶³ Имеется в виду супруга Шингарева Ефросинья Максимовна Шингарева (урожд. Кулажко) (1875–1917) – учительница истории и географии женских гимназий. Умерла от болезни сердца в Воронеже в сентябре 1917 г.

⁶⁴ Дети А.И. Шингарева: Владимир Андреевич (1895–1942) – офицер-артиллерист (арестовывался в 1918 г. большевиками в качестве заложника), один из активистов эмигрантского студенческого движения во Франции, врач-психиатр; Георгий Андреевич (1899 – 1919, Прага); Наталья Андреевна Шингарева-Орлова (1901–1972); Маргарита Андреевна (1903–1942 ?, Ленинград); Елена Андреевна Шингарева-Нечаева (1906–2003). Старший сын в это время находится на фронте, в действующей армии, младший – в Петрограде, а дочери – в Воронеже, у деда – Ивана Андреевича Шингарева, воронежского купца.

⁶⁵ Шингарев имеет в виду состав ЦК конституционно-демократической партии, избранный на VIII съезде партии (9-12 мая 1917 г.) в составе 66-и человек, а также руководство губернских, уездных и городских комитетов кадетской партии (весной 1917 г. их насчитывалось более 380); численность членов кадетской партии к середине 1917 г. составила около 100 тыс. чел. при большом количестве сочувствующих.

⁶⁶ «День» – газета либеральной и правосоциалистической направленности, одна из популярных газет революционного Петрограда. Выходила ежедневно с 1912 по апрель 1918 гг.

⁶⁷ Неведомский М. (наст. имя – Миклашевский Михаил Петрович) (1866–1943) – публицист и литературный критик, с 1890-х гг. сотрудничал в ряде газет и журналов. Член РСДРП, меньшевик, ликвидатор. Автор ряда литературоведческих и политических (на злобу дня) очерков и статей.

⁶⁸ См. например: Кадетский монархический заговор раскрыт // Правда. 1917. 14 дек. (1 дек. по ст. стилю). Комментарий З. Гиппиус по этому поводу: «“Правда” и прочие Лжи вещают аршинными буквами, что уже найдены тайные монархические заговоры кадет; призывают к самосуду. Найдены же, в действительности: разнообразные проекты вотирования в Учредительное собрание, между прочим, проект не всенародного выбора президента республики, а членами собрания. (Всенародные выборы в

1848 г. во Франции – дали Наполеона III!) Пишу это, как образчик негодяйского передергивания для возбуждения неграмотной массы» («Черные тетради» Зинаиды Гиппиус. Дневник 1917 года // Звенья. Исторический альманах. М.-СПб., 1992. Вып. 2).

⁶⁹ Пальчинский Петр Иоакимович (Акимович) (1875–1929) – дворянин, геолог, горнопромышленник, в 1905 г. член Союза Союзов от железнодорожных служащих, член Совета Съездов горнопромышленников юга России, агент Совета за границей. Известный масон. С 1915 г. активно работал в Центральном военно-промышленном комитете, товарищ его председателя. С 1916 г. гласный Петроградской городской Думы. В 1917 г. член Исполкома Петросовета, член Экономического совета при Временном правительстве, участник Государственного Совещания. 24 октября 1917 г. назначен помощником уполномоченного по водворению порядка в Петрограде, 25 октября начальник обороны Зимнего дворца. Арестован вместе с министрами Временного правительства, освобожден 7 марта 1918 г. Работал как геолог теоретически и практически при ВСНХ и др. учреждениях. Неоднократно арестовывался, в 1929 г. расстрелян.

⁷⁰ Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918) – юрист, с 1894 г. прокурор Петербургского окружного суда, с 1903 г. обер-прокурор уголовно-кассационного департамента Сената. Товарищ министра юстиции, в 1906-1915 гг. министр юстиции, с 1907 г. член Государственного Совета. С 1915 г. председатель совета монархических объединений и лидер придворных монархистов. В 1917 г. арестован Временным правительством по санкции Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц. Расстрелян ВЧК в 1918 г.

⁷¹ Неполная цитата: *Lasciate ogni speranza voi ch'entrate* – Оставь надежду всяк сюда входящий (Данте) (*итал.*). Шингарев имеет в виду, что именно насильник и тиран, а не его жертва, должен оставить всякую надежду добиться своих целей насилием в долгосрочной перспективе.

⁷² Имеются в виду частые смены правительств Российской империи в 1915–17 гг., а также калейдоскопическая смена министров четырех составов Временного правительства («первого революционного» и трех коалиционных), членов Директории, отдельных министров и их заместителей. Шингарев был министром земледелия в первом составе ВП и министром финансов в первом коалиционном правительстве (и параллельно практически весь этот срок заведовал продовольственным делом в Петрограде и всей Европейской России, насколько это было вообще возможно в тех условиях).

⁷³ Шингарев, как и многие в то время, не мог себе представить масштабов и черт того Молоха, который появится вскоре на территории бывшей Российской империи в виде СССР, равно как и масштабов массового террора, который превзойдет все самые смелые прогнозы и смешает все устаревшие «политологические» карты.

⁷⁴ Андреева Мария Федоровна (1868–1953) – актриса и общественный деятель. Член РСДРП с 1904 г. Гражданская жена М. Горького, его секретарь. В 1906 г. вместе с ним эмигрировала. В 1917 г., после

большевистского переворота стала комиссаром театров и зрелищ Петрограда. В 1931–1948 гг. – директор Московского дома ученых.

⁷⁵ Шингарев еще не знает, что это только начало. Пока большевики еще не почувствовали своей силы, пока еще идут переговоры о едином социалистическом правительстве при посредничестве ВИКЖЕЛЯ. Но как эти слова Шингарева противоречат высказываниям и воспоминаниям прошедших через тюрьмы ВЧК–ГПУ в 1918–1922 гг.! Например, см.: Трубецкой С.Е. Минувшее. Ч. 2. М., 1991.

⁷⁶ *Salus reipublicae [suprēma lex] (лат.)* – Благо государства – высший закон.

⁷⁷ Председатель Совета министров П.А. Столыпин, выступая на заседании II Государственной Думы 13 марта 1907 г. с речью о временных законах, изданных в период между I и II Думами, заявил: «Когда дом горит, господа, вы вламываетесь в чужие квартиры, ломаете двери, ломаете окна. Когда человек болен, его организм лечат, отравляя его ядом. Когда на вас нападает убийца, вы его убиваете. Этот порядок признается всеми государствами». (См.: Государственная Дума. Второй созыв. Т. 1. СПб., 1907. Стб. 512-518.)

⁷⁸ Кауфман О.А. – Предположительно дочь известного статистика, экономиста, публициста, члена кадетской партии Александра Аркадьевича Кауфмана (1864–1919).

⁷⁹ Роллан, Ромен (1866–1944) – французский писатель, общественный деятель, историк-музыковед. Главное произведение, принесшее автору мировую славу – роман «Жан Кристофф» (1904-12 гг.).

⁸⁰ «Revue de deux mondes» («Обзор двух миров») – французский литературный журнал, выходивший на протяжении XIX – нач. XX вв. и послуживший одним из образцов для «Телескопа» Н.М. Надеждина. Шингарев читает рассказ Жерара Дювиля «Утро вечера мудренее».

⁸¹ К сожалению, «судьба не была более разборчива» и здесь. О детях Шингарева см. сноску 63. Только его младшей дочери Елене была суждена долгая жизнь, лишь двум его дочерям удалось вырастить детей.

⁸² Шингарев с начала 1910-х гг. занимая видное место в политической элите страны, всегда весьма щепетильно относился к своей репутации «общественно-политического деятеля» (что в те времена в России не было пустыми словами). Для современной ситуации в России, когда бывший много лет депутатом Гос. Думы, председателем ее комиссии, а потом министром человек пишет, что у него «нет ни гроша», данная фраза выглядит нонсенсом или явным лукавством. А между тем в стяжательстве и мздоимстве Шингарева могли обвинять только большевики, судившие в том числе и по себе. С большинством современного депутатского корпуса эту ситуацию и сравнивать без сарказма не приходится. О времена, о нравы!

⁸³ Речь идет о могиле жены – Е.М. Шингаревой в Воронеже.

⁸⁴ Имеются в виду любые действия казаков и офицеров против большевиков и Советов в основном на Дону под предводительством генералов Л.Г. Корнилова, М.В. Алексева и А.М. Каледина, которых якобы активно и чуть ли не официально поддерживали кадеты. Последнее утверждение большевиков

были явной ложью, по крайней мере, на тот момент. Хотя Милуков в то время уже начал предпринимать кое-какие шаги по выработке и обоснованию идеологического курса Добровольческой армии. Однако при этом обвинять кадетов в открытой и полной поддержке Белого движения еще было явно рано, но кого-то же надо было обвинить.

⁸⁵ Слухи о готовящемся захвате немецкими войсками Петрограда ходили чуть ли не с середины 1917 г. Особенно усилились они с момента захвата Моонзундских островов в Балтийском море в октябре 1917 г., а позже – в связи с австро-германским наступлением по всему восточному фронту из-за проволочек с согласием большевиков на немецкие условия при заключении Брестского мира. Теперь вполне очевидно по источникам, что немцы, создавая на протяжении осени 1917 – лета 1918 гг. несколько раз угрозы Петрограду, никогда всерьез не готовили операцию по его оккупации – слишком непредсказуем был бы результат такой операции в долгосрочной перспективе.

⁸⁶ Ниже Шингарев объясняет этот трагикомический инцидент, который ярко свидетельствует, насколько кадетская партия была не готова к нелегальной работе, хотя в Российской империи ее статус не был определен – не разрешена, но и не запрещена. З.Н. Гиппиус вспоминает в своих «Петербургских дневниках» об этом деле: «Девушка [О.А.] Кауфман из канцелярии кадетского ЦК – поклонница Шингарева – выпросила себе свидание с ним и понесла ему коржики. По дороге забежала в квартиру канцелярии «пощебетать» с другими барышнями. А уходя схватила со стола *другой* пакет, который вместо коржиков и передала Шингареву в крепости. В пакете были... протоколы заседаний кадетского ЦК, прежние и новые!.. Три дня охи, рыдания, самые преступные – ибо большевики что-то прослышали и сделали у Шингарева обыск. Все вышло столь нелепо... Обыскали уже и барышень, и квартиру Шингарева...» («Черные тетради» Зинаиды Гиппиус // Звенья. Исторический альманах. М.-СПб., 1992. Вып. 2.). Некоторые исследователи посчитали, что эта ситуация и спровоцировала в дальнейшем убийство Шингарева и Кокошкина, но нам это представляется излишним преувеличением, тем более, что в бумагах, изъятых большевиками, ничего особенно крамольного или нового для них, скорее всего, не было (иначе бы этим обязательно воспользовались бы в «идеологических» целях). Тем не менее, по крайней мере большая часть этих протоколов бесследно исчезла, специальные археографические поиски их в различных архивохранилищах как в России так и за рубежом пока результатов не дали.

⁸⁷ Речь идет о Воронеже, хотя в то время и в Петрограде голода еще не было.

⁸⁸ Негодование Шингарева вполне понятно, т.к. он был арестован «за компанию» с С.В. Паниной, не имея к ее делу абсолютно никакого отношения, и к тому же попал под подозрение тюремщиков и следственных органов большевиков по вине своей «поклонницы».

⁸⁹ В Отечество (*нем.*).

⁹⁰ Верую – ибо абсурдно (*лат.*).

⁹¹ Комментарий Милукова: «Преступление есть болезнь: в этой мысли А.И. ищет спасения для своей веры, которую донес от юных лет до седины. Для него, морально-здорового, насквозь чистого, многое было непонятно в житейской грязи».

⁹² На этот вопрос нет ответа и у исследователей. Скорее всего, о переполохе в кадетской канцелярии и в кадетских кругах вообще кто-то донес в Смольный.

⁹³ Комментарий Зинаиды Гиппиус: «Винные погромы не прекращаются ни на минуту. Весь «Петроград» (вот он когда Петроград!) пьян. Непрерывная стрельба, иногда пулеметная. Сейчас происходит грандиозный погром на Васильевском... И утром, и днем, и вечером – перманентный пьяный грабеж»... «Правда» объявила: это «офицеры, кадеты и буржуи расставили винные погреба для контрреволюционного превращения народа в идиотов» (sic!). Как выпьешь – так оно и ясно. Кончил с погребом – иди громить буржуя. Сам виноват, зачем «контрреволюционно расставлял погреба» («Черные тетради» Зинаиды Гиппиус. Дневник 1917 года // Там же. С. 32). Цитата из «Правды» на ту же тему: «Враги народа, черная сотня выползает из своих воровских притонов, чтобы направить солдат на погром винных погребов, напоить и одурманить их, превратить их из граждан в идиотов, исполняющих волю буржуазных провокаторов» (Правда. 1917. 15 (2) дек.)

⁹⁴ Третьяков Сергей Николаевич (1882–1943) – купец и фабрикант, член ЦК Партии прогрессистов, председатель Московского ВПК и член ЦВПК, с марта 1917 г. председатель Всероссийского союза торговли и промышленности, с июня 1917 г. гласный Московской городской Думы, член ее кадетской фракции. 25 сентября 1917 г. по решению Совещания общественных деятелей вошел в 3-е коалиционное правительство в качестве председателя Экономического совета и Главного экономического комитета. В ночь с 25 на 26 октября арестован в Зимнем дворце вместе с другими министрами. Освобожден в феврале 1918 г., эмигрировал в Финляндию.

⁹⁵ Село Вейделевка Валуйского уезда Воронежской губернии. Ныне – райцентр Вейделевского района Белгородской области. Шингарев вспоминает о том периоде своей жизни, когда он в 1903–1907 гг. был председателем Воронежского губернского санитарного бюро при земской управе и встречался с Паниной в 1903 г. во время одной из своих многочисленных служебных поездок по ряду уездов Воронежской губернии. Шингарев был неутомимым земским деятелем; подготовка новых зданий для местных больниц являлась для него обычной повседневной работой. Подробнее см. соответствующие статьи «Воронежской энциклопедии». (Воронеж, 2008).

⁹⁶ Шаховской Дмитрий Иванович (1862–1939) – князь, видный земский деятель Тверской и Ярославской губерний, известный кооперативный деятель, входил в состав руководства Союза Освобождения и Союза земцев-конституционалистов. Один из организаторов и учредителей кадетской партии, член ее ЦК, депутат I Государственной Думы, подписал Выборгское воззвание. Вошел в 1-е коалиционное Временное правительство как министр государственного призрения. После Октябрьского переворота один из организаторов антибольшевистских организаций (Союз возрождения России, Тактический центр), арестован ВЧК в 1920 г., амнистирован, вновь арестован в 1939 г., расстрелян.

⁹⁷ Шингарев имеет в виду: Стучка Петр Иванович (1865–1932) – юрист, член РСДРП с 1895 г., основатель компартии Латвии, партийный журналист, в 1917 г. член Петроградского комитета партии большевиков, Петросовета, делегат II Всероссийского съезда советов. В ноябре 1917 г. – марте 1918 г. народный комиссар юстиции, потом замнаркома юстиции, в 1923–1932 гг. председатель Верховного

суда РСФСР. В 1918–1920 гг. – председатель советского правительства Латвии. Шингарев очевидно не без оснований сомневается в профессиональных способностях юриста и одновременно профессионального революционера.

⁹⁸ П.Д. Долгоруков вспоминал: «Кстати, на случай процесса партия позаботилась обставить его, и защитники должны были быть у нас левее к.-д., у Шингарева и Кокошкина – госпожа [В.Н.] Фигнер и госпожа [Е.Д.] Кускова, а у меня – старик [Н.В.] Чайковский». (Долгоруков П.Д. Великая разруха. М., 2007. С. 55.). Теперь можно только заниматься исторической реконструкцией, пытаясь представить себе подобный великолепный судебный процесс!

⁹⁹ Соколов Николай Дмитриевич (1870–1928) – дворянин, присяжный поверенный, журналист, член партии «Народное право», сочувствовал большевикам. В 1917 г. один из авторов приказа № 1, член исполкома Петросовета и ВЦИК Советов, представитель Петросовета в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, сотрудник Красного креста, юрисколькоунт ряда советских учреждений. Здесь он выступает как активный политикан и незадачливый «влиятельный человек» близкий к большевикам, пытающийся вытащить Шингарева из тюрьмы во что бы то ни стало, используя свой дутый авторитет. Именно он, судя по воспоминаниям И.И. Манухина, не видя явной опасности самосуда, вывез Шингарева и Кокошкина в Мариинскую больницу (Манухин И. Воспоминания о 1917–18 гг. // Новый журнал. 1958. Кн. 52. С. 106–108.).

¹⁰⁰ Шингарев ошибается, т.к. читает в газетах предварительные итоги выборов в УС, где давались только результаты голосования только по губернским и некоторым уездным городам. Ни в Харьковском (кадетский список не добрал всего около 400 голосов) ни в Воронежском округах Шингарев в УС не прошел, хотя в обоих округах он возглавлял кадетские списки кандидатов. Шингарев и многие его однопартийцы были уверены, что хотя бы в одном из этих округов он пройдет в УС; при любой иной избирательной системе или – проводись выборы на несколько месяцев раньше или позже – так бы оно, вероятно, и было.

¹⁰¹ Трубецкой бастион Петропавловской крепости первоначально был назван в честь кн. Ю.Ю. Трубецкого, сподвижника Петра I, но после 1825 г. молва прочно закрепила его название за содержавшимся в нем декабристом Сергеем Петровичем Трубецким (1790–1860).

¹⁰² Сравни совершенно противоположное мнение П.Б. Струве о революции, высказанное в эмиграции – революции «никогда не происходят, они всегда делаются». Хотя, как представляется, речь у двух либералов идет все же о разных аспектах революционного процесса. См.: Струве П.Б. Познание революции и возрождение духа // Русская мысль. 1923. Кн. 6-8.

¹⁰³ Остроумов Алексей Александрович (1844–1908) – русский клиницист-терапевт. В 1871 г. окончил Московский университет и работал в клинике, возглавляемой Г.А. Захарьиным. В 1879–1903 – проф. Московского университета. Им было впервые доказано клапанное происхождение первого тона сердца. Другими исследованиями показано существование в стенках сосудов как сосудосуживающих, так и сосудорасширяющих нервов (1876); установлен неврогенный характер отеков (1879) и потоотделения

(1876). Шингарев всегда относился к своему учителю с большим почтением, подготовил к публикации курс его лекций (Клинические лекции профессора А.А. Остроумова 1893–94 гг., записанные студентом Шингаревым. М., 1895), почтил память Остроумова статьями в прессе и т.п.

¹⁰⁴ Шингарев вспоминает о первом периоде своей врачебной деятельности с 1895 по 1898 гг., когда он формально еще не был земским врачом, а считался «вольнопрактикующим», хотя фактически уже тогда тесно сотрудничал с Воронежским земством – с 1897 г., а с 1895 г. являлся гласным Тамбовского земства. Комментарий П.Н. Милюкова: «Цельность настроения, с которым приносится эта двойная жертва, напоминает идейные побуждения, заставлявшие идти «в народ» молодежь 1874 года. Но пребывание вольнопрактикующего врача в самой гуще народной жизни положило основу всей дальнейшей деятельности А.И. Именно оно толкнуло А.И. от медицинской практики среди народа в политику, преследовавшую благо этого самого народа».

¹⁰⁵ Именно на эту часть Дневника, как на самую важную для определения политического credo А.И. Шингарева, обращает особое внимание П.Н. Милюков в воспоминаниях о своем соратнике. См.: Милюков П.Н. Андрей Иванович Шингарев // Памяти погибших / Под ред. Н.И. Астрова, В.Ф. Зеелера, П.Н. Милюкова и др. Париж, 1929.

¹⁰⁶ Шингарев явно имеет в виду дворцовый переворот, готовившийся под руководством А.И. Гучкова и намечавшийся чуть ли не на март 1917 г. По некоторым источникам, сам Шингарев участвовал по крайней мере в обсуждении возможных вариантов развития событий. Консультации велись среди членов Прогрессивного блока и примыкавших к нему хотя бы относительно влиятельных политиков, а также сочувствующих военных. Шингарев, вероятнее всего, участвовал в совещаниях заговорщиков в числе других представителей Прогрессивного блока и кадетской партии лишь с информационными целями. То, что Шингарев, видимо, поддерживал идею переворота, еще не значит, что он был участником заговора. Подробнее см.: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914-1917). Л., 1967. С. 302-303.

¹⁰⁷ Комментарий Милюкова: «Эта “примиряющая” точка зрения, так хорошо отвечавшая природному оптимизму Шингарева, применяется им и к суждению об ошибках отдельных лиц в процессе революции. Он вовсе не был фаталистом. Но он сознавал бессилие отдельной личности перед этим падением “лавины”».

¹⁰⁸ Шингарев предстает здесь вовсе не как типичный либерал-антигосударственник, каковыми принято считать чуть ли не всех русских левых либералов. И таких как он среди кадетов было немало.

¹⁰⁹ Имеется в виду декрет СНК и ВЦИК от 14 декабря 1917 г. «О национализации банков», объявлявших «государственной монополией». Декрет был немедленно приведен в исполнение.

¹¹⁰ Павлов В.Н., активный член РСДРП(б), отчаянный классовый враг всех «эксплуататоров». В 1917 г. член Петроградского ВРК, активный участник Октябрьского переворота в Петрограде, сопровождал арестованных министров Временного правительства в Петропавловскую крепость, вскоре назначен заместителем ее коменданта, позже – комендантом.

¹¹¹ Карташёв Антон Владимирович (1875–1960) – историк русской церкви, профессор Санкт-Петербургской духовной академии. С 1917 г. член кадетской партии и ее ЦК, товарищ обер-прокурора и позже обер-прокурор Синода, глава Министерства вероисповеданий, деятельный член Поместного собора русской церкви 1917–1918 гг. Арестован 26 октября 1917 г. в Зимнем дворце вместе с другими министрами, освобожден в начале 1918 г. Один из руководителей «Национального центра», в 1919 г. член Политического совещания при генерале Н.Н. Юдениче, с 1920 г. жил во Франции.

¹¹² Министры последнего состава Временного правительства, находившиеся в заключении в Петропавловской крепости к 19 декабря 1917 г.: М.В. Бернацкий, А.В. Карташев, Н.М. Кишкин, А.И. Коновалов, А.В. Ливеровский, С.А. Смирнов, М.И. Терещенко, С.Н. Третьяков, Н.Д. Авксентьев. Часть из них была усилиями доктора И.И. Манухина постепенно переведена в «Кресты» после убийства Шингарева и Кокошкина. Возможно именно благодаря этому Карташёв, Коновалов, Смирнов, Терещенко и Третьяков остались тогда в живых.

¹¹³ Комментарий Зинаиды Гиппиус: «Вчера тяжелая история в крепости: денщик Павлов... перехватил письмо Карташёва к сестре, где он писал, что «Россия поступила к немцам в батраки». Ворвался к заключенному с солдатами и загнал в карцер. Остальные министры объявили голодовку». («Черные тетради» Зинаиды Гиппиус. Дневник 1917 года // Там же.)

¹¹⁴ Речь идет о переговорах в Брест-Литовске делегации советского правительства, ведущее место в которой вскоре занял нарком иностранных дел РСФСР Л.Д. Троцкий, и немецких представителей во главе с верховным главнокомандующим войск Центральных держав на восточном фронте генералом М. Гофманом, формально начавшихся 21 ноября, а фактически – 9 декабря 1917 г. Германия сразу же выдвинула «грабительские» условия мира, отторгающие от России более 150 тыс. км² территории; демагогическая реакция на эти требования большевистской печати и возмущает Шингарева.

¹¹⁵ Село Хлевное Задонского уезда Воронежской губернии находилось в родной губернии Шингарева и принадлежало к территории его земского врачебного участка в 1899–1903 гг. Поэтому он и называет солдата своим земляком.

¹¹⁶ Вырубова (урожд. Танеева) Анна Александровна (1884–1964), фрейлина императрицы Александры Федоровны (с 1903 г.). Посредница между царской семьей и «старцем» Г.Е. Новых (Распутиным). Арестована из-за близости к царской семье в феврале 1917 г., отпущена в октябре 1917 г. С 1920 г. в эмиграции. Воспоминания Вырубовой «Страницы из моей жизни» и ее дневник вероятно являются позднейшими подделками.

¹¹⁷ Жена бывшего военного министра Екатерина Викторовна Сухомлинова (урожд. Гошкевич, разведенная Бутович). Оправдана на судебном процессе по делу мужа, осужденного за неподготовленность России к Первой мировой войне. Подробнее о ней и «деле Сухомлинова» см.: Fuller W.C. *The Foe Within*. London, 2006 [рус. перевод книги вышел в изд-ве «НЛЮ» в 2009 г.].

¹¹⁸ Воейков Владимир Николаевич (1868–1941), царедворец, российский деятель в области физического воспитания. Почетный член Российского олимпийского комитета с 1911 г.

Главнаблюдающий за физическим развитием народонаселения Российской империи. Генерал-майор свиты его величества, последний дворцовый комендант. Командир лейб-гвардии гусарского полка. Автор воспоминаний «С царем и без царя» (довольно бесцветных).

¹¹⁹ П.Д. Долгоруков в своих воспоминаниях подтверждает: «Мне Шингарев сказал, что ему, как члену Временного правительства, было совестно глядеть на Щегловитова и что он избегает с ним встречаться. Он несколько раз говорил в правительстве о невозможности так держать людей без предъявления им обвинения. Муравьевско-переверзевскую комиссию, ведавшую делом арестованных в феврале сановников, он назвал срамной. И действительно, продержав там Щегловитова и других в заключении около восьми месяцев до Октябрьского переворота, они их предали во власть большевикам». (Великая разруха. М., 2007. С. 57.)

¹²⁰ Министры юстиции трех составов Временного правительства. Переверзев Павел Николаевич (1871-1944), генерал-прокурор при Временном правительстве. Зарудный Александр Сергеевич (1863–1934), в июле-августе 1917 г. – министр юстиции Временного правительства.

¹²¹ Выход министров-кадетов (и Шингарева в том числе) из 1-го коалиционного состава Временного правительства 2 августа 1917 г. А также выход кадетов-центристов (в том числе и Кокошкина) из второго коалиционного состава Временного правительства в конце августа 1917 г.

¹²² Степанов Василий Александрович (1872–1920) – известный деятель кадетской партии, примыкал к левым кадетам, член ЦК (с 1916 г.). Из потомственных дворян, профессиональный горный инженер. Депутат III и IV Государственной Думы от Пермской губернии. Масон. После Февральской революции товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства, с 19.5.1917 выполнял обязанности министра. 8.7.1917 подал в отставку в знак протеста против решения о предоставлении Украине фактической независимости. Член Предпарламента. Избран в члены УС от Псковской губ. 28.11.1917 арестован большевиками, но вскоре выпущен на свободу левым эсером из Наркомата юстиции, за которого он ранее хлопотал, бежал в Москву. Член «Союза возрождения России» и Национального центра. Входил в Особое совещание при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России генерале А.И. Деникине в качестве государственного контролера.

¹²³ Скорее всего, имеются в виду Ольга Максимовна Кулажко и Ефросинья Максимовна Шингарева, родные сестры.

¹²⁴ Садырин Павел Александрович (1877–1938) – крестьянин, агроном, секретарь партийного комитета «малмыжской группы» кадетов (Вятская губерния). Член I Гос. думы от Вятской губернии, член комиссии при кадетской фракции по связям с местным населением. Член правления народного университета им. Шанявского в Москве. Кооптирован в ЦК кадетской партии в марте 1917 г. Утвержден одним из кандидатов в депутаты УС по кадетским спискам, в том числе и по Вятской губернии. Репрессирован, расстрелян. Режим содержания в тюрьме, очевидно, еще не был жестким, поскольку Шингареву позволяется получать письма даже от политических соратников.

¹²⁵ Письмо получено от Александры Ивановны – сестры Шингарева, а письмо от его отца – Ивана Андреевича Шингарева, воронежского купца, проживавшего тогда в Воронеже и в конце концов пережившего своего сына.

¹²⁶ Шингареву выдали около 0,5 кг явно некондиционной колбасы – просто царская щедрость большевиков.

¹²⁷ Речь идет, скорее всего, о дочери Шингарева Ольге, умершей в младенчестве предположительно от аппендицита.

¹²⁸ Речь идет, скорее всего, о вольной врачебной практике Шингарева в одном из сел Землянского уезда Воронежской губернии, когда он при лечении крестьянского ребенка, больного дифтеритом, заразился сам и едва не умер. См. подробнее: Рафес М.Г. А.И. Шингарев, как земский врач // Русский врач. 1918. № 5/8. С. 33.

¹²⁹ Скорее всего, Николай Иванович Шингарев – брат Андрея Ивановича, энтомолог, ветеринарный врач и зоотехник.

¹³⁰ Манухин Иван Иванович (1882–1958) – известный врач, иммунолог и пульмонолог. Успешно лечил М. Горького от туберкулеза. В 1917 г. – врач при Чрезвычайной следственной комиссии Временного Правительства, тюремный врач в Петропавловской крепости. Активный деятель и представитель Политического Красного Креста. Благодаря ему были спасены от неминуемой гибели многие видные политические деятели дореволюционной России. С 1921 г. – в эмиграции. Оставил интересные воспоминания, в том числе и об обстоятельствах убийства Шингарева (См.: Манухин И.И. Воспоминания о 1917-18 гг. // Новый журнал. 1958. Кн. 52).

¹³¹ Имеются в виду столичные и провинциальные кадетские активисты, члены ЦК, члены молодежной (студенческой) кадетской организации и т.п.

¹³² Перефраз знаменитой обличительной речи Милюкова в заседании IV Гос. Думы 1 ноября 1916 г.

¹³³ По воспоминаниям И. Манухина тюремная больница «Крестов» тогда была самым надежным местом для перевода заключенных из-за наличия там «старорежимных» надзирателей и охраны. Именно туда ему лично и др. сотрудникам Красного Креста удалось перевести немалое количество политических заключенных Петропавловской крепости. Частные лечебницы считались гораздо менее надежными из-за полной власти красногвардейской охраны и «красной милиции» над заключенными-больными.

¹³⁴ Протопопов Дмитрий Дмитриевич (1865–1934), общественно-политический деятель, публицист. Депутат I Гос. Думы от Самарской губернии, член кадетской партии и фракции. Подписал Выборгское воззвание. В 1917 г. депутат Предпарламента, сторонник антисоциалистической военной диктатуры. Неоднократно арестовывался ВЧК-НКВД. Умер в тюрьме.

---

¹³⁵ Савинков Борис Викторович (1879–1925) – видный российский политический деятель, в 1903 – сентябре 1917 г. эсер, писатель, публицист. Теоретик и практик революционно-народнического террора. С 1920 г. – в эмиграции. Умер в тюрьме после возвращения в Советскую Россию.

¹³⁶ Улица в Петрограде, на которой в то время жили И.И. Манухин (д. 83), С.В. Панина (д. 23), Н.Д. Соколов и др. Улица явно «недемократического» вида и состава «жильцов». В доме № 50 часто проходили собрания разного рода «контрреволюционеров» из либеральных кругов образованного общества. Ныне ул. Чайковского (Санкт-Петербург).

¹³⁷ Манон Жанна Флипон, (г-жа Roland de la Platière) (1754–1793), одна из знаменитейших женщин Французской революции. Мемуары переведены на русский язык: Личные мемуары г-жи Ролан. СПб., 1893.

¹³⁸ «Оставь надежду всяк сюда входящий».

¹³⁹ Аресты действительно были произведены. См.: К аресту румынского посла // Известия. 1918. 3 янв.

¹⁴⁰ Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943) – российский политический деятель, один из лидеров партии эсеров. В 1905 г. заместитель председателя Петербургского Совета рабочих депутатов. В 1917 г. председатель исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, Демократического совещания и Предпарламента, министр внутренних дел Временного Правительства (июль-сентябрь). В октябре 1917 г. возглавил Комитет спасения родины и революции. Арестован большевиками 17 декабря 1917 г., что открыло эру политических преследований социалистов новыми властями.

¹⁴¹ Украинская Центральная Рада.

¹⁴² Обстрел автомобиля В.И. Ленина активистами смешанной (от монархистов до эсеров) террористической группы 1 января 1918 г. Ленин чудом не пострадал. Впоследствии со стороны оппозиционной большевикам интеллигенции неоднократно звучали обвинения в инсценировке покушения и фабрикация в связи с этим многих «дел» с целью расправы с политическими противниками большевиков.

¹⁴³ Ситуация действительно осложнялась постоянной антикадетской пропагандой в большевистской печати и покушениями на видных большевиков и особенно самого Ленина. Распропагандированные массы жаждали мести, и над узниками Петропавловской крепости нависла реальная угроза самосуда. Только небольшая часть солдат, непосредственно охранявшая заключенных, была против этого. К тому же перевод заключенных был поручен красной гвардии и милиции Литейного района. Настроения среди красногвардейцев были самыми «погромными» по отношению к «буржуям». К переводам узников в лучшие условия они относились крайне враждебно. Нужно было переждать хотя бы недели 3-4, чтобы «массы» выпустили пар. Но об этом и слышать не хотели родственники больных заключенных.

¹⁴⁴ Сорокин Питирим Александрович (1889–1968) – всемирно известный социолог, философ, публицист. В 1917 г. один из лидеров партии эсеров, депутат Учредительного собрания; с 1922 г. – в

эмиграции. Аргунов Андрей Александрович (1866–1939) – политический деятель, один из лидеров партии эсеров, член ее ЦК, с 1916 г. – во главе ее правого, «оборонческого» крыла. Депутат УС, редактор газеты «Революционная Россия».

¹⁴⁵ П. Сорокин вспоминал: «Я был арестован 2 января 1918 года... – Здравствуйте, как дела? – голос приветствовал нас сквозь глазок, маленькую дырку в двери. – Кто мог подумать, что мы когда-нибудь свидимся тут! – Взглянув в глазок, я увидел профессора Кокошкина и доктора Шингарева, бывших министров правительства Керенского [некоторая неточность Сорокина: Шингарев не был министром правительства Керенского, поскольку выйдя из состава 1-го коалиционного Временного правительства кн. Львова, больше министерских постов не занимал]. – Представители суверенного народа приветствуют вас в этой гробнице свободы, – сказал Авксентьев, бывший министр внутренних дел... [4 января] в 4 часа дня нас вывели во двор тюрьмы на прогулку, и мы получили хорошую возможность встретиться с друзьями. Их внешность изменилась к худшему: Кокошкин и Шингарев выглядели по-настоящему больными». (Сорокин П. Дальняя дорога. М., 1992. С. 104-105.)

¹⁴⁶ 5 янв. 1918 г. в день открытия УС в Петрограде состоялась 50-тысячная мирная демонстрация в поддержку собрания и всенародно избранных депутатов. Демонстрация была расстреляна и рассеяна красногвардейцами и лояльными большевикам частями гарнизона. Число погибших и раненых, по разным оценкам, составило от 8 тыс. до 20 тыс. чел.

¹⁴⁷ Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) – известный политический деятель авантюристического склада и право-монархического толка. Один из организаторов «Союза русского народа». Депутат 2-4 Государственной Думы. Своими периодическими резкими выходками явно импонировал некоторым лидерам большевиков. С сентября 1917 г. активно мобилизовывал силы «контрреволюции» посредством новой монархической организации для борьбы с «анархией». 18 ноября был арестован большевиками в Петрограде. 28 декабря начался процесс против него и еще 13 членов организации. Свою вину в организации контрреволюционного заговора отрицал. 3 января 1918 г. приговорен Ревтрибуналом к 4 годам принудительных работ. 17 апреля освобожден на поруки, 1 мая попал под амнистию. Продолжал агитацию против большевиков на «Белом юге» и в Ростове-на-Дону.

¹⁴⁸ Штейнберг Исаак-Нахман Захарович (1888–1957) – один из лидеров партии левых эсеров, адвокат. С 1906 г. член партии эсеров. Работал присяжным поверенным в Москве. В 1917 г. член Предпарламента, член ЦК партии левых эсеров. По решению ВЦИК Советов 12 декабря 1917 г. назначен наркомом юстиции. Пытался бороться против произвола ВЧК. Избран членом УС. Выступал против Брестского мира. В 1923 г. лишен советского гражданства. Автор ряда вышедших в эмиграции публицистических книг, в том числе о 1917-18 гг., см.: Штейнберг И.З. Нравственный лик революции. Берлин, 1923.

¹⁴⁹ И.И. Манухин вспоминал: «Неосмотрительность стоила жизни А.И. Шингареву и Ф.Ф. Кокошкину. Это были дни вслед за покушением на Ленина. Настроение солдат петроградского гарнизона сразу накалилось до кровомщения. Теперь заключенных перевозила новая инстанция – красная милиция Литейного района; во главе ее стоял решительный и жестокий милиционер Михайлов.

Никаких препятствий районная власть поначалу не чинила, но когда вслед за покушением я пришел поговорить об очередном перевозе кого-то из заключенных в «Кресты», Михайлов встретил меня с такой явной враждебностью, что мне стало ясно: никоим образом и никого перевозить сейчас нельзя. Между тем на следующий день после разговора с Михайловым пришел ко мне Д.В. Философов с сестрой А.И. Шингарева и настойчиво просил сегодня же перевести Шингарева и Кокошкина в больницу. Я сообщил о настроении милиционеров Литейного района, но Философов и Шингарева упрямо стояли на своем. Тогда я отказался наотрез: нельзя брать на себя ответственность, предвидя, что ничего хорошего не будет, а жизнь этих заключенных мы подводим под удар. Мои посетители заявили, что коли я отказываюсь, они обратятся к моему соседу на Сергиевской улице Н.Д. Соколову. Каково было мое удивление час-полтора спустя, когда я вышел на улицу и увидел Соколова, садившегося на извозчика. «Я узнал, что вы не беретесь вывозить Шингарева и Кокошкина, – а я их вывезу!» – крикнул он мне. С неодолимой тревогой смотрел я на удалявшиеся сани... [Мариинская] больница находилась в Литейном районе, т.е. они [заключенные] теперь попали в ведение тех самых милиционеров, настроение которых было столь угрожающим, и очутились под их охраною, потому что их оставили караулом при больнице... Ошибкой была не только неосмотрительная спешность, но и убеждение, что в городской больнице заключенным будет лучше, нежели в больнице «Крестов». А между тем, наоборот, пребывание в «Крестах» было тогда надежнее... Ужас дикой расправы над Шингаревым и Кокошкиным заставил тогда спешно перевезти некоторых заключенных из частных лечебниц в «Кресты»...» (Манухин И.И. Воспоминания о 1917-18 гг. // Новый журнал. 1958. Кн. 52. С. 106-107.)

¹⁵⁰ Аксельрод Любовь Исааковна (1868–1946) – философ, литературовед, политический деятель, член партии меньшевиков (группа «Единство»).

¹⁵¹ Солдат-инструктор при отделении красной гвардии Литейного района Петрограда. Один из главных подстрекателей к убийству Шингарева и Кокошкина и главный фигурант в следственном деле после убийства. Арестовывался ЧК, но, естественно, был вскоре отпущен, также как и второй активный подстрекатель – Басов.

¹⁵² Смирнов Сергей Алексеевич (1883–1950-е гг. ?), известный фабрикант, член правлений ряда банков и Общества хлопчатобумажных фабрикантов. Член Главного комитета Всероссийского Союза городов, заместитель председателя Московского Военно-промышленного комитета. В 1917 г. организатор Всероссийского союза торговли и промышленности. В сентябре-октябре 1917 г. Государственный контролер во Временном правительстве Керенского. С 1918 г. – в эмиграции.

¹⁵³ Городская больница Петрограда (Литейный пр., 56). Основана в 1803 г. как больница для бедных. В 1828 г. названа Мариинской в память императрицы Марии Федоровны.

¹⁵⁴ Имеется в виду Политехнический институт императора Петра Великого, основанный в 1899 г.

¹⁵⁵ Свяженинов Григорий Алексеевич (1856–?), хирург, доктор медицины. Окончил Военно-медицинскую академию (1880). Область научных исследований – разработка методов использования на

практике местных обезболивающих препаратов, обоснование их физиологических и токсических действий на организм человека. Главный хирург, позже директор Мариинской больницы для бедных.

¹⁵⁶ П.А. Сорокин вспоминал: «План убийства Кокошкина и Шингарева был замыслен еще когда они сидели в крепости, причем с полного одобрения коменданта Павлова... Было трудно представить себе что-либо более бессмысленно жестокое, чем это убийство. Оба этих человека посвятили свои жизни служению обществу и Отечеству, а сейчас, мертвые, превращены во врагов народа...» (Сорокин П. Дальняя дорога. М., 1992. С. 107). Подробнее об обстоятельствах убийства и ведения следствия см.: Бонч-Бруевич В.Д. Об убийстве Кокошкина и Шингарева // Каторга и ссылка. 1934. №№ 1-2; [Обвинительный акт по делу об убийстве Шингарева и Кокошкина] // Пути революции. Берлин, 1923; Шелохаев В.В. Судьба русского парламентария (Ф.Ф. Кокошкин) // Отечественная история. 1999. № 5; Макаров В.В. Убийство А.И. Шингарева и Ф.Ф. Кокошкина: кто виноват? (О неоконченном споре) // Новик. Воронеж: ВГУ, 2001. Вып. 4. После короткого и бурного следствия дело, скорее всего, так и не попало в Ревтрибунал, и задержанные участники были вскоре отпущены. Ни один непосредственный убийца из матросов так и не был арестован. И.З. Штейнберг позже так комментировал эту ситуацию: «Ленин и близкие к нему делали, вероятно, искренние первые шаги по раскрытию виновников этого преступления. А между тем, этот акт был естественным, самым естественным выводом из всей предыдущей политической кампании, из самого декрета против кадетов. Если стреляли матросы и красногвардейцы, то оружие заряжали партийные политики и журналисты. Но именно поэтому и движение, вызванное этими убийствами, по существу было бесплодным, фиктивным, искусственным. Оно диктовалось, скорее, тактическими соображениями государственного порядка, чем дальновидной оценкой и отвержением терроризма. Оно не могло, поэтому, вскоре не заглохнуть. После первых энергичных действий наступило быстрое охлаждение. «Тактика» вызвала горячность первой минуты, «тактика» же охладила этот порыв... Процесс над убийцами Кокошкина и Шингарева преследовал не цели кары и возмездия, а хотел раскрыть глаза трудящимся на ту нравственную бездну, в которую мчал их поток нараставшего терроризма. Однако процесс не состоялся. Не состоялся потому, что все эти соображения шли вразрез с командующей идеологией большевиков, которые не пожелали из этого «вопроса» делать большего события» (Штейнберг И.З. Нравственный лик революции. Берлин, 1923. С. 32-34).

¹⁵⁷ Дежурный врач Мариинской больницы на тот момент – П.П. Миролобова.

¹⁵⁸ Убийство вызвало волну возмущения и откликов по всей России. Но как оказалось, это была своеобразная «лебединая песнь» образованного общества, которое вскоре будет поставлено перед жестоким выбором: либо смириться со всеми зверствами бесчинствующей толпы и большевиков и приспособиться к ситуации, либо бежать за границу, либо – не изменять принципам и умереть от голода и болезней.